

БОЖІА НИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМЪ ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМЪИ
НЕВРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НБСѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкій Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

„БОЖІА НИВА“ въ 1905 году

съ Божіей помощью выходитъ по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ,
какъ и въ прошломъ году.

По принятому порядку мы дадимъ 12 №№ **БОЖІЕЙ НИВЫ** и 12 книжекъ **ЗЕРНЫШЕКЪ** для дѣтскаго чтенія. Кромѣ того, въ текущемъ 1905 г. читатели „Божіей Нивы“, съ благословенія Московск. первосвященника, получаютъ **бесплатное** приложение въ видѣ книги подъ заглавіемъ: **БЕСѢДЫ О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ**, которая въ отдѣльной продажѣ можетъ быть высылаема за 40 к. съ перес. Цѣна остается та же—1 р. въ годъ съ пересылкою.

Журналъ „БОЖІА НИВА“ одобренъ Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ для выписки въ библиотеки церковныхъ школъ.—Епархіальные Училищные Советы могутъ вносить „Божію Ниву“ въ списокъ изданій, требуемыхъ или изъ Училищнаго, при Св. Синодѣ, Совета за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя библиотеки.

Подписка на текущій годъ продолжается. Первый томъ **БОЖІЕЙ НИВЫ** (1—12 1902 г.), а также 2-й томъ (13—24 1903 г.) и 3-й томъ (25—36 1904 г.) можно получать безъ переплета за 1 р. 10 к. каждый томъ, а въ колѣнкоровомъ переплетѣ за 1 р. 75 к. съ пересылкою. **ЗЕРНЫШКИ** можно получать по 5 к. за книжку безъ пересылки и по 7 к. съ пересылкою, а при требованіи на 1 р. высылается 20 книжекъ.

Редакція покорнѣйше проситъ г. г. подписчиковъ, при возобновеніи подписки наклеивать на переводный почтовый бланкъ или письмо свой печатный адресъ, подъ которымъ „Божія Нива“ получалась въ прошломъ году. Наложнымъ платежомъ журналъ не высылается.

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ И ХАРАКТЕРЪ ПУТЕШЕСТВІЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ.

Окончаніе 1).

Правда, западно-европейская культура, всюду выдвигающая на первый планъ экономическіе интересы, пытается превратить и экскурсіи не столько въ часы отдыха и минуты благочестиваго раздумья, сколько въ исключительно образовательное средство. Съ этою цѣлю тамъ особенно настойчиво рекомендуются путешествія въ промышленные центры, гдѣ учащіеся могутъ знакомиться съ разнообразнымъ фабричнымъ производствомъ. Но объ экскурсіяхъ такого характера намъ не приходится почти говорить, потому что такія экскурсіи доступны только на практикѣ развѣ для дѣтей немногихъ городскихъ школъ. Что же касается дѣтей нашихъ поселянъ, то, какъ свидѣтельствуется педагогической опытъ нашихъ тружениковъ школъ, они, какъ ближайшіе помощники своихъ отцовъ и матерей, урываютъ у школы на свои домашнія дѣла и подѣляя даже и учебные часы и тѣмъ болѣе не располагаютъ досужимъ временемъ лѣтомъ. Нѣтъ, также, у нихъ и излишнихъ средствъ, которыя давали-бы имъ возможность побывать и подъ сѣнію какой-либо древней святыни и въ какомъ либо промысловомъ центрѣ. А въ виду этого руководи-

телю школы естественно предпочесть „единое на потребу“—говоримъ о паломничествахъ... Къ тому же нужно замѣтить, что и мѣстныя условія, съ которыми естественно приходится считаться экскурсантамъ, у насъ не такъ выгодны, какъ на западѣ. Тамъ на небольшомъ пространствѣ, въ виду особаго разнообразія поверхности земли, дѣти могутъ ознакомиться, какъ, на примѣръ, въ швейцарскихъ горахъ, съ самою разнородною растительностію. Тамъ всюду всевозможные музеи, фабрики. Тамъ повсюду цѣлая сѣть путей сообщенія, готовыхъ каждую минуту перебросить путника въ желанныя мѣста и на конечные пункты самыхъ высокихъ горъ, откуда цѣлыя школы,—что намъ лично пришлось наблюдать, на примѣръ, въ Швейцаріи или въ Италіи, около Везувія,—любуются и восходомъ и закатомъ солнца и вообще роскошною панорамою. До всего этого еще далеко у насъ. Широка необъятна русская равнина и у насъ еще очень много такихъ уголковъ, изъ которыхъ нужны цѣлые дни пути, чтобы дойти до болѣе или менѣе оживленнаго центра. У насъ мало и музеевъ. Но за то у насъ почти всѣ памятники древности, въ силу особаго склада

¹⁾ См. № 37.

русской исторической жизни, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и памятниками религіозной жизни. И, знакомясь съ послѣдними, дѣти нашихъ школъ могутъ легко и удобно знакомиться одновременно и съ вещественными памятниками давняго и недавняго прошлаго своей родины. Вотъ почему въ вопросѣ о характерѣ экскурсій намъ приходится предпочтительно говорить о паломничествахъ—объ этихъ своеобразныхъ экскурсіяхъ, къ которымъ издавна привыкла Русь...

Только при такихъ экскурсіяхъ каждому руководителю дѣтей нужно позаботиться о томъ, чтобы они не разрѣшались однимъ верхоглядствомъ, чтобы каждая экскурсія будила не только любознательность дѣтей, развивала не только ихъ сообразительность порождала не одну только оживленность и пріучала-бы ихъ къ простому подчиненію личныхъ интересовъ интересамъ своей партіи, на развитіи каковыхъ психическихъ элементовъ особенно настаиваетъ профессоръ Лесгафтъ¹⁾, но чтобы она давала возможность проявить добрыя нравственныя чувства и пережить чувство нравственнаго удовлетворенія, которое можетъ, напримѣръ, имѣть мѣсто при товарищескомъ церковномъ пѣніи подъ свѣцію той или другой святыни, при общей свѣчѣ, зажженной у раки того или другого святого, при общей милостыни, поданной бѣдняку на пути шествія школяровъ...

Впрочемъ, какъ ни цѣлесообразны подобныя экскурсіи, однако и онѣ доступны далеко не для всѣхъ. Заброшенность школы, быстрый отъѣздъ изъ нея по окончаніи экзаменовъ поутрудившагося и поутомившагося ру-

ководителя дѣтей—все это лишаетъ многія и очень многія школы возможности совершить общее паломничество и даже прогулку. Приходить весна—пчелка на цвѣточки въ полѣ, а дѣтки изъ своего улейка—изъ школки по домамъ. Замираетъ жизнь школы... Полагается, нерѣдко, и конецъ дѣтской любознательности. И какъ то невольно становится грустно за такихъ дѣтокъ. И, глядя на нихъ, такъ и хочется спросить работника на Божіей нивѣ:

Святель знанья на ниву народную,
Почву ты что-ли находишь бесплодную,

Робокъ-ли сердцемъ ты, слабъ ли ты силами?..

Ужели ничего не можетъ сдѣлать для сиротѣющихъ дѣтокъ ихъ руководитель, покидающій школу на лѣто? Ужели онъ не можетъ оставить имъ добраго руководительнаго назиданія, которое могло-бы возбудить ихъ вниманіе къ окружающей природѣ? Въ отвѣтъ на это мы позволяемъ себѣ указать, въ заключеніе, на опытъ одного почтеннаго педагога, ректора томской семинаріи прот. І. А. П. Въ одномъ изъ своихъ назиданій, обращенныхъ однажды къ развѣзжавшимся питомцамъ, онъ, между прочимъ, говорилъ имъ: „прочитывая не одинъ разъ св. Евангеліе, я невольно обращалъ свое вниманіе на слова Спасителя: „Онъ сказалъ ученикамъ Своимъ: пойдите вы одни... и отдохните немного“...

„И учащимся нуженъ отдыхъ... Но гдѣ отдыхаетъ душа? Послушайте дальше: „и отправились на мѣсто пустынное въ лодкѣ одни“.

„Ученики возвратились изъ путешествія и рассказали Господу все, и что сдѣлали и чему научили“ (Мрк. VI). Затѣмъ, вспомнивъ свой педагоги-

¹⁾ См. Русск. нач. учит. 1904 г. Июнь--Іюль, стр. 139.

чекій опытъ, прибрѣтенный почтеннымъ ораторомъ еще въ бытность свою въ одной женской школѣ за Ураломъ, онъ, на основаніи этого опыта, предложилъ воспитанникамъ слѣдующее: „углубляя свой опытъ, я считалъ своей обязанностію дѣлать „опросъ“ своимъ ученицамъ о томъ, какъ проводили они каникулы, что хорошаго видѣли, живя въ селахъ и деревняхъ, путешествуя по великой Россіи? Чтобы расположить ученицъ къ сообщеніямъ, я самъ рассказывалъ имъ о томъ, что я видѣлъ хорошаго. Дѣтямъ явно не хотѣлось оставаться у меня въ долгу и они охотно дѣлились со мной своими впечатлѣніями...

„Разсказывая, они учились говорить живой связной рѣчью. Описывая на бумагѣ, они учились складно и интересно писать. Легко писать о томъ, что видѣлъ и о чемъ слышалъ.

„Такъ было...

„Наша школа, за Ураломъ, была ульемъ, куда пчелки возвращались съ той или другою „ношею“. Любили дѣти привозить засушенные цвѣты и беречь ихъ въ книжкахъ.

„Въ „страшныхъ“ учебникахъ красовались цвѣточки: это смягчало нравы...

„Приводилось испытывать утѣшеніе, когда дѣвочки описывали, какъ онѣ во время каникулъ успѣвали научить безграмотныхъ грамотѣ...

„Много хорошаго дѣлалось желающими...

„Великіе великое взяли отъ жизни и міра, а не отъ книги токмо.

„Вспомните пророка и предтечу Іоанна! Въ какой школѣ и по какой книгѣ онъ, пустынный житель, учился? Вспомните пророковъ Ілію, Елисея—пахаря, Амоса-пастуха и др. По какимъ книгамъ они читали?—По книгѣ—душѣ человѣческой.

„Сибирь!.. Сибирь!.. Сибирь!.. стоишь

ты доселѣ особнякомъ отъ всего міра съ твоей религіозной жизнью, съ твоимъ своеобразнымъ складомъ народной жизни! Мало тебя знаютъ даже дѣти твои! Въ твоихъ дремучихъ лѣсахъ—тайгахъ сколько остается неповѣданныхъ міру исторій борьбы человѣка за свою жизнь, за св. вѣру, за Царя и отечество!!..

„Сколько непочатыхъ силъ таишь въ себѣ ты, царица—пустыня!!!“¹⁾

Намъ думается и не объ одной Сибири можно сказать это... Вѣдь и дѣти нашихъ деревень и даже городовъ очень мало знакомы съ складомъ окружающей ихъ народной жизни; вѣдь и они мало, иногда обидно мало, интересуются окружающею ихъ природою, довольствуясь, часто, самыми суевѣрными предположеніями на счетъ нея; вѣдь и они часто не останавливаютъ вниманія надъ памятниками борьбы человѣка за свою жизнь, за св. вѣру, за Царя и отечество!

И нельзя-ли, поэтому, и дѣтямъ всѣхъ вообще школъ и особенно дѣтямъ тѣхъ школъ, которыя ни разу не совершали ни паломничества ни экскурсій—по крайней мѣрѣ наиболѣе даровитымъ изъ нихъ,—рекомендовать вести свои дневнички и намѣчать имъ предварительно ту область наблюдений, на которую они могли бы обращать въ часы досуга свое вниманіе? Вѣдь если экскурсіи имѣютъ своею цѣлію удовлетвореніе дѣтской любознательности, возбужденіе ихъ вниманія къ памятникамъ древности и къ природѣ, то не могутъ ли служить этой же цѣли и дѣтскіе дневники, которые такъ умѣстны, думается, особенно во второкласныхъ школахъ?

И какъ бы хорошо было, еслибы церковной школѣ принадлежалъ этотъ

¹⁾ Томск. Епарх. Вѣд. 1904 г.

добрый починъ! Какъ бы хорошо было если бы она и въ стѣнахъ школьнаго зданія и внѣ его, и въ часы занятій и въ часы досуга умѣла напоминать дѣтямъ о своемъ родномъ и направлять мысль и сердце дѣтей

Туда, гдѣ вѣчный свѣтъ горитъ...
Какъ бы отрадно было, если бы она въ настоящемъ научила видѣть не-черній свѣтъ будущаго!

Д. Введенскій.

ПОРЫВЫ КЪ СЯМООБРАЗОВАНІЮ.

Кто когда-либо учился, кто хотя нѣсколько отвѣдалъ сладости книжной, тотъ по личному опыту знаетъ, что такое за порывы къ самообразованію? Вѣдь очень и очень многіе знакомы съ непреодолимымъ влеченіемъ къ знанію. Знаніе, наука для многихъ мыслящихъ людей—волшебная сила, это тоже, что солнце для растенія. Нѣкоторые, сознавъ скудость своихъ знаній, всѣ силы и все время охотно убиваютъ на изученіе тѣхъ или другихъ наукъ, особенно на знакомство съ литературой. Занятіе—похвальное!... Трудъ благородный!...

Но жаль и очень жаль, что далеко не всѣ при добрыхъ порывахъ приходятъ къ благимъ результатамъ.

Дѣло въ томъ, что довольно значительная часть подобныхъ людей, при всемъ своемъ усердіи и рвеніи къ знанію, выходятъ совершенно несчастными людьми. Явленіе плачевное! Но въ жизни, повторяемъ, бываетъ такъ. Вотъ рядъ фактовъ для иллюстраціи сказаннаго.

Въ село N пріѣхала молодая учительница. Она только что окончила курсъ въ учительской семинаріи. Взявшись за сельскую дѣтвору, молодая просвѣтительница рѣшила не забывать и себя, сказать прямо, она задалась цѣлю время отъ времени пополнять скудный запасъ своихъ умственныхъ знаній. Въ учительской

семинаріи ей постоянно твердили, „что нужно читать и читать, какъ можно больше читать“. Подъ вліяніемъ подобнаго внушенія рвеніе къ просвѣщенію она считала святымъ дѣломъ.

Вотъ въ такомъ-то настроеніи Екатерина Васильевна (такъ звали учительницу) пріѣхала на мѣсто своей службы.

Здѣсь она нашла интеллигентный кружокъ.

Мѣстные помѣщики не мало дарили вниманія начальной школѣ, не отказывали въ своей любезности и народнымъ учителямъ.

Бывая у помѣщиковъ, Екатерина Васильевна часто слышала сужденія о просвѣщеніи вообще, а о русскомъ съ значительными подробностями.

Здѣсь, какъ и въ учительской семинаріи, открыто кричали, что молодымъ людямъ необходимо читать и читать. Подъ вліяніемъ подобныхъ сужденій, она какъ то невольно сосредоточилась мыслию на собственномъ образованіи, на скудномъ запасѣ своихъ знаній. По самомъ краткомъ сужденіи, она нашла себя особой значительно отсталой; ясно было, что пока еще не ушло время, необходимо озаботиться пополненіемъ своихъ знаній. Очевидно было, что слѣдуетъ приступить къ чтенію. Но что читать?—Вопросъ немаловажный, но юная просвѣтительница хорошо не подумала надъ нимъ.

При всемъ этомъ обстоятельства сложились такъ, что не представлялось и нужды въ данномъ трудѣ. Дѣло въ томъ, что изъ среды новыхъ знакомыхъ одинъ молодой интеллигентъ вызвался доставлять ей лучшія сочиненія русскихъ и заграничныхъ писателей. Чего же еще лучше!... И вотъ юная труженица уже за пріятнымъ трудомъ: она имѣетъ подъ руками рукописное сочиненіе Л. Н. Толстого „Въ чемъ моя вѣра“. Мало того, что по настоянію своего руководителя, она читаетъ данную рукопись, но и списываетъ, имѣя въ виду постоянно пользоваться указаннымъ твореніемъ великаго русскаго писателя.

Вотъ какъ просто все дѣло обставилось. Какъ будто плохого ничего не вышло. Но это только кажется. Сказать прямо, результатъ получился далеко не утѣшительный. Екатерина Васильевна желала читать книги въ цѣляхъ пополненія своихъ знаній. Но что она вычитала изъ рукописи Л. Николаевича? Вотъ отвѣтъ юной читательницы на данный вопросъ: „Покой души моей теперь возмущенъ. Лучше было бы мнѣ этого произведенія не читать. Раньше я молилась Живому Богу, а послѣ этого я стала иначе молиться. Въ рукописи сказано, что Іисусъ Христосъ — обыкновенный человѣкъ, икона—идолъ. У меня какъ-то сразу пропало благоговѣйное чувство къ святынь. Я не чувствую теперь прежней теплоты во время молитвы“¹⁾. Вотъ результатъ довѣрчиваго отношенія къ тенденціознымъ литературнымъ произведеніямъ. Сказать проще, Екатерина Васильевна узнала о томъ, какъ

¹⁾ Смотр. нашу статью „Подъ вліяніемъ идей великаго русскаго писателя“. Миссіонерскій Сборникъ. 1904 г. Братства св. Василия Епископа Рязанскаго, за Мартъ и Апрель, страница 91.

глумится Л. Н. надъ православною вѣрой, надъ святое святыхъ православнаго русскаго человѣка. И этого мало: она, по ея заявленіямъ, пережила страшную нравственную пытку, она никакъ безъ утѣшенія со стороны не могла успокоиться, не могла забыть кощунственныя сужденія Л. Н. при взглядѣ на икону; при мысли объ Іисусѣ Христѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, въ ея памяти невольно вслывали слова Л. Н., что „Іисусъ Христосъ—простой человѣкъ“. А что она переживала, послѣ довѣрчиваго отношенія къ интеллигентному руководителю, за Божественную Литургію? — О, объ этомъ лучше уже не говорить. Вѣдь Л. Николаевичъ не пощадилъ въ своихъ ругательствахъ и Св. Таинство Евхаристіи. Хорошо, что Екатерина Васильевна скоро сознала свою ошибку и не постѣснилась обратиться за успокоеніемъ взволнованной души къ болѣе опытнымъ въ религіозныхъ вопросахъ людямъ¹⁾.

На невѣдомыхъ путяхъ всегда возможны случайности. Какъ въ море опасно пускаться безъ опытныхъ моряковъ, такъ и при самообразованіи немислимо обходиться безъ надежныхъ руководителей. Жаль только, что нынѣ молодые люди слишкомъ самонадѣянны. Руководители въ глазахъ молодежи послѣдняго времени играютъ роль только стѣснителей.

Недавно пришлось намъ имѣть сужденія съ незнакомымъ намъ священникомъ. Дѣло это было въ губернскомъ городѣ. Незнакомый батюшка, между прочимъ, передалъ намъ довольно характерные факты и какъ разъ подходящіе къ разбираемому вопросу.

¹⁾ Смотри нашу статью „Подъ вліяніемъ идей русскаго писателя“ въ вышеуказанномъ журналѣ за Іюль и Августъ 1904 г.

— Я только что сейчас повстрѣчался съ своимъ однокашникомъ. Его имя и фамилію я вамъ не буду называть, да и дѣло не въ томъ, добавилъ мой собесѣдникъ.

— Личности касаться не стоитъ, отвѣчаю, что то напряженно припоминающему собесѣднику.

— Лѣтъ двадцать пять я не видалъ своего товарища, когда-то сильно любимаго. Мы оба учились въ духовной школѣ, но онъ оставилъ семинарію, я же, по милости Божіей, окончилъ ее. Обоимъ намъ еще съ перваго класса семинаріи жизнь нашего духовенства показалась мизерной и мы рѣшили поискать счастья внѣ дверей духовной школы. Почему то, помню, вообразили мы себя людьми мыслящими, начали усердно читать книги. Дни и ночи мы проводили за чтеніемъ. Надъ уроками намъ мало приходилось работать, путемъ чтенія мы всегда опереживали объясненія наставниковъ. И это намъ нравилось. Мы невольно пришли къ убѣжденію, что и самостоятельно можно просвѣщаться. Товарищъ мой, про котораго я вамъ хочу рассказать, былъ особенно энергиченъ, и что всего важнѣе, изобрѣтателенъ на счетъ добыванія внѣ семинаріи различныхъ книгъ для чтенія. Какъ сейчасъ помню, приносить онъ сочиненіе Дарвина. Это дѣло было во второмъ классѣ семинаріи. Прочиталъ онъ о естественномъ подборѣ, о происхожденіи человѣка отъ обезьяны, предложилъ мнѣ и я поспѣшилъ ознакомиться съ неизвѣстнымъ для меня произведеніемъ. Вижу, книга занимательная. Обращаюсь къ другу, а онъ мнѣ и трактуетъ:— вотъ вѣдь гдѣ правда то написана.

— Не можетъ быть!—говорю.

— Нѣтъ, ты не отстаивай, я слышалъ, баринъ нашъ доказывалъ, что человѣкъ отъ обезьяны произошелъ.

— Не правда, не правда, въ Библии о твореніи міра и человѣка не такъ говорится!..

— Въ Библии то не такъ, я это хорошо знаю; но не забывай, что Дарвинъ великій человѣкъ, онъ всю жизнь провелъ въ изслѣдованіяхъ по интересующему его вопросу...

— Какъ я ни спорилъ съ Н, никакъ не могъ его разубѣдить. Товарищи то же не могли съ нимъ состязаться. Н оказался во всѣхъ спорахъ побѣдителемъ. Среди товарищей онъ приобрѣлъ себѣ нѣкоторую популярность, его считали за передоваго.

Всѣ уже знали, что онъ скоро оставить семинарію, поступить въ какое-либо свѣтское учебное заведеніе.

Въ одно прекрасное время подходитъ Н ко мнѣ и говорить:

— Ты все споришь, что міръ возникъ такъ, какъ описано въ Библии. Почитай вотъ и согласишься, что въ Библии неправдоподобно.

— Что же это за сочиненіе? спрашиваю.

— Это Исторія Философіи. Всю то книгу читать не стоитъ, для тебя должно быть интереснымъ вотъ это.

Какъ сейчасъ помню, книга была открыта на самой срединѣ. Да и вообще она какъ то сама открывалась именно на этомъ мѣстѣ, гдѣ листовъ пять были сильно позапачканы. По всему видно было, что изъ всей книги читатели болѣе всего интересовались только данными страницами. Читаю заголовокъ указаннаго отдѣла. Значилось: „Кантолапласовская гипотеза о твореніи міра“. Не понимая смысла слова „гипотеза“, начинаю читать. Прочиталъ разъ, повторилъ, вижу, мысли для меня новыя, но разобраться въ прочитанномъ, чувствую, что не могу.

Приходитъ мой пріятель.

— Что!.. уразумѣль?.. спрашиваетъ.

— Уразумѣль, да не совсѣмъ.

— Ты во всемъ сомнѣваешься.

— Какъ же не сомнѣваться! Вѣдь Библия другое гласить...

— Наладилъ Библия да Библия, ты подумай, можетъ ли міръ возникнуть въ шесть дней?

— Конечно можетъ, вѣдь Богъ же всемогущъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь для меня ясно, что міръ создавался въ миллионъ лѣтъ.

— Вы, конечно, не согласились съ своимъ другомъ? говорю тракующему батюшкѣ.

— Не помню, что я самъ послѣ этого думалъ. Да и дѣло не въ томъ, кто одержалъ побѣду. Вѣдь, строго говоря, всѣ сужденія то наши о возвышенныхъ вопросахъ носили характеръ чисто ребяческой. Но только вотъ что нужно сказать: другъ мой подъ вліяніемъ различныхъ недобрыхъ книгъ все болѣе и болѣе съ того времени отрывался отъ духовной школы. Онъ уже положительно рѣшилъ оставить семинарію, а вразумить его некому было. Внутренній нашъ міръ тогда мало былъ извѣстенъ нашему начальству. Въ третій классъ N уже не явился учиться. Я удержался въ семинаріи. И вотъ около двадцати пяти лѣтъ я его не видѣлъ, да и слышала то о немъ мало. Какъ то промелькнуло среди знакомыхъ, что N окончилъ университетъ и только. Сегодня иду я по улицѣ, встрѣчается мнѣ интеллигентный господинъ, смотрю въ глаза встрѣчному и вдругъ мнѣ показалось что то знакомое въ его лицѣ. Еще мгновеніе и я встрѣчному господину кланяюсь, называя его именемъ своего бывшего товарища. И я не ошибся, это былъ онъ. Разговоръ нашъ, послѣ обычнаго привѣт-

ствія, начался, можно сказать, какъ разъ съ того, на чемъ онъ порвался тогда, болѣе четверти вѣка тому назадъ.

— Такъ ты священникомъ, сказалъ онъ мнѣ.

— Да, я служитель алтаря Господня, а ты кого изъ себя изображаешь?

— Я присяжный повѣренный.

— Значитъ, тебѣ живется хорошо?

— Не дурно, да здоровья нѣтъ.

— Какъ здоровья нѣтъ!.. Наружность твоя свидѣтельствуешь о другомъ.

— Наружность обманчива. Я только что возвратился съ юга и опять на осень поѣду туда, ничего не подѣлаешь!.. Врачи говорятъ, въ средней Россіи жить мнѣ нельзя.

— Что же у тебя болитъ?

— Нервы, братъ, нервы непокойны... сердце болитъ...

— А къ небесной то помощи обращался?

— Въ нашемъ кругу это не принято.

— Какъ же это такъ!.. Помолись и будешь здоровъ.

— Не вѣрю я этому!.. Да у меня и вѣры то никакой нѣтъ!.. Вѣдь помнишь, тогда еще у меня вся вѣра пропала и по сіе время такъ живу.

— Да неужели тогда еще зародилось охлажденіе?

— Да, тогда еще я потерялъ вѣру, подтвердилъ N.

— А желалъ бы вѣрить?

— Желалъ бы, да теперь уже поздно. Да и не думаю, чтобы было можно возжечь вѣру въ Бога и небесную помощь, да и какъ это сдѣлать?!..

— Очень просто: проси Бога и Онъ тебѣ поможетъ.

— Да неужели это можно?!..

— Вѣрующему все возможно, говорю ему.

— Собесѣдникъ мой видимо взволновался, продолжалъ разсказъ батюшка, даже капли пота выступили на лбу.

— Вижу, вижу, что говоришь мнѣ отъ чистаго сердца, но... но... не.. м.. мычалъ присяжный повѣренный.

— Покайся и будешь здоровъ; проси Бога простить заблужденіе.

— Нѣтъ основанія надѣяться на прощеніе то, вспомни, сколько лѣтъ прошло съ того времени?..

— Лучше поздно покаяться, чѣмъ никогда.

— Да неужели это можно!... повторялъ интеллигентъ.—Помолись за меня, нервно потрясая мою руку, громко просилъ меня мой бывшій другъ.

Со вниманіемъ я слушалъ разсказъ батюшки, избѣгая какихъ-либо вставокъ съ своей стороны, да и не возможно было перебивать грустную повѣсть глубоко скорбящаго іерея о своемъ бывшемъ товарищѣ и другѣ.

— Долго я шелъ по улицѣ, продолжалъ взволнованный іерей, не замѣчая никого. На душѣ было какъ то особенно тяжело. Невольно вставляли въ памяти годы юности мятежной, припоминались тѣ дни, когда мы беззаботно почитывали недозволенные книжки, утѣшая себя тѣмъ, что де мы заняты самообразованіемъ... N былъ даровитымъ ученикомъ. И вотъ дошелъ до какого положенія. Все дѣло вышло изъ того, что онъ слишкомъ пристрастился къ свѣтской литературѣ, не открывая своихъ думъ опытнымъ руководителямъ. Не останяся я въ стѣнахъ семинаріи и я, можетъ быть, былъ бы даже хуже своего бывшего друга N, заключилъ незнакомый мнѣ батюшка.

Долго мы говорили съ батюшкой по вопросу о самообразованіи. Между прочимъ мой случайный собесѣдникъ передалъ мнѣ еще такой фактъ.

— До принятія сана священства я служилъ учителемъ въ фабричномъ центрѣ. Какъ то случайно познакомился я съ однимъ молодымъ человекомъ, существовавшимъ мелкими уроками. Однажды N пригласилъ меня къ себѣ въ квартиру.

Я пошелъ.

— Я вѣдь ранѣ учился въ гимназій, но по недостатку средствъ, изъ VI класса вышелъ. Въ настоящее время я даю уроки и въ то же время самъ учусь, имѣя въ виду держать экзамень на аттестатъ зрѣлости.

— Мысль добрая, говорю ему. Вѣроятно вамъ трудно другихъ учить и самому учиться?

— Ничего, я привыкъ, да потомъ руководить маленькими гимназистиками и гимназистками довольно таки пріятно. Нѣкоторые изъ моихъ учениковъ довольно умные, весьма любознательны и трудолюбивы.

— Да, съ такими дѣтьми заниматься легко, соглашаюсь съ юнымъ воспитателемъ.

— Даже очень легко, мы часто вмѣстѣ почитываемъ.

— Что же вы читаете?

— У меня запрещеннаго ничего нѣтъ, вотъ моя библіотека.

— Смотрю книги. Попадаются на глаза сочиненія Писарева, Добролюбова, Шелгунова, библіографіи русскихъ и заграничныхъ писателей, сочиненія Дарвина, словомъ, книги исключительно свѣтскаго содержанія.

— Вотъ этихъ авторовъ вы съ своими питомцами читаете?

— Да, но я обыкновенно не все сочиненіе рекомандую прочитывать, а то, что болѣе всего нужно для ученика. Какъ извѣстно, прежде всего каждому необходимо расположить къ труду, самодѣятельности, внушить, что каждая личность обязана жить

собственнымъ трудомъ. Вотъ для знакомства съ даннымъ вопросомъ я и указываю, что слѣдуетъ читать изъ тѣхъ или другихъ сочиненій. Такимъ же образомъ я знакомя своихъ учениковъ и съ нравственностію, съ тѣмъ, что такое добро и правда. Прочитайте біографію Сократа и вы увидите, что это былъ гуманнѣйшій человѣкъ. Да вообще для знакомства съ серьезными вопросами у меня есть что почитать. Вотъ, на примѣръ, ученіе Спинозы о мірѣ. Развѣ это плохое сочиненіе? Здѣсь прекрасно сказано и о Богѣ.

— Да, изучающему исторію философіи и это сочиненіе необходимо прочитать, ученику же гимназіи въ отрывочномъ видѣ, увѣряю васъ, будетъ даже вредно подобное чтеніе. Ученику гимназіи необходимо имѣть вѣрное понятіе о Богѣ, а это все можно найти только въ Св. Библии.

— Къ чему это?—промычалъ N; гимназія готовитъ своихъ питомцевъ не для алтаря, не для духовной карьеры; гимназисту естественнѣе всего держаться просвѣщенныхъ взглядовъ на міровые вопросы. Другое дѣло питомцамъ духовной школы: имъ въ силу необходимости приходится держаться библейскаго міровоззрѣнія.

— Своему собесѣднику я возражалъ, но видно было, что трудъ мой былъ напрасенъ.

— Я самъ о гуманности тогда только и составилъ правильное понятіе, продолжалъ горячо трактовать N, ког-

да прочиталъ всѣ біографіи ученыхъ людей. Нѣкоторые изъ ученыхъ какъ были чувствительны къ чужому горю, къ бѣдному человѣку! Когда читаешь объ этомъ, то невольно чувствуешь какую то боль въ сердцѣ.

— Сами вы Библию читали когданибудь? спрашиваю молодого педагога.

— Нѣтъ... Да вѣдь тамъ новаго ничего нѣтъ, а я дорожу временемъ... Скажу откровенно, считаю бесполезнымъ читать духовную литературу.

— Напрасно такъ думаете, молодой человѣкъ! Вы о религіи, нравственности, духовномъ мірѣ сами знакомитесь и другихъ знакомите исключительно по свѣтскимъ сочиненіямъ, тогда какъ нужно было бы сдѣлать не такъ. Цѣлесообразнѣе было бы съ вышеозначенными истинами знакомиться по духовной литературѣ.

— Самъ то молодой человѣкъ, спрашиваю собесѣдника - іерея, достигъ благихъ результатовъ при всемъ своемъ горячемъ рвеніи къ знанію?

— Университетъ онъ окончилъ, но вышелъ положительно невѣрующимъ. И питомцы его взяли примѣръ съ своего непризваннаго учителя, научились только кричать на все святое, заключилъ взволнованный батюшка.

Жаль и очень жаль русскую молодежь, погибающую отъ легко устранимыхъ, гибельныхъ для умственнаго и нравственнаго развитія причинъ.

Свящ. *І. Молебновъ.*

ДОБРЫЙ ПОЧИНЪ¹⁾.

Очеркъ.

О Димитрій священствуеъ въ с. Пуклякахъ уже восьмой годъ. Первыя его впечатлѣнія на приходѣ были самыя тягостныя: избы крестьянъ были низенькія, дряхлыя, покачнувшіяся; во всемъ селѣ не было ни одного цѣлаго плетня, ни одного порядочнаго хозяйственнаго строенія... Лица крестьянъ были какія-то испитыя, блѣдныя, измученныя... На улицахъ и въ грязныхъ дворахъ виднѣлся худой, малорослый, безсильный въ работѣ скотъ; высились кучи мусора, валялись полуистлѣвшія бревна, разломанныя колеса, клочья соломы съ крышъ, гнилыя жерди, заржавѣвшія и убогія хозяйственныя орудія... И надъ всѣмъ этимъ, какъ гнилой болотный туманъ, темною тучею висѣла какая-то безнадежная пришибленность, мертвое равнодушіе, безразличность...

Отъ жалости и состраданія къ опустившимся и нравственно-оголѣвшимъ прихожанамъ о. Димитрій не могъ на первыхъ порахъ служить въ церкви: слезы подступали ему къ горлу и острою болью сжималось сердце...

Но тѣмъ горячѣ молился о. Димитрій, тѣмъ пламеннѣе лилось изъ устъ его живое пастырское слово разумленія и назиданія огрубѣвшимъ и погрязшимъ въ пьянствѣ прихожанамъ...

— „Опомнитесь, дорогіе дѣти, отцы и братья во Христѣ!—говариваль о. Димитрій въ порывѣ братскаго чувства, полный горячаго участія къ судьбѣ ввѣреннаго его духовному водительство прихода.— Не денегъ вашихъ жаль, не пропитанаго достатка: жаль васъ самихъ, жаль вашихъ лучшихъ чувствъ и богатыхъ душевныхъ способностей, которыя горять въ водкѣ, какъ въ огнѣ, и гибнуть безслѣдно... А межъ тѣмъ, по слову Апостола, „мы уди есмы тѣла Христова, отъ плоти Его, и отъ костей Его“ (Еф., гл. 5, 30).

„Человѣкъ, по изъясненію Св. Писанія, это — живой, нерукотворенный храмъ Духа Божія, величайшее изъ чудесъ, высшая красота земная, вѣнецъ творенія. Зачѣмъ же вы скверните этотъ храмъ, жилище Духа Божія, своими низкими страстями, своимъ безуміемъ и распутствомъ!... Вмѣстѣ съ достаткомъ вы пропиваете и души свои, свое вѣчное спасеніе, свой разумъ, свою душевную и тѣлесную силу, свою добрую нравственность...

„Доколѣ же сіе будетъ? Доколѣ Господь долготерпитъ вашему беззаконію, вашему позору, вашему нечестію!.. Опомнитесь, братія мои,—бѣгите отъ грѣха, — начинайте новую, лучшую жизнь“!..

Сердечныя рѣчи служителя Божія мало дѣйствовали на крестьянъ, и пьянство продолжалось попрежнему, жадно поглощая все лучшее, что хранила въ тайникахъ своихъ душа народная, застилая мутнымъ, нездоровымъ туманомъ образъ и подобіе Божіе въ людяхъ...

Особенно тяжело было глядѣть о. Димитрію на крестьянскія свадьбы.

¹⁾ Въ предлагаемой нашимъ читателямъ статейкѣ „Добрый починъ“ имѣется въ виду главнымъ образомъ труженикъ-пастырь, но во всѣхъ добрыхъ начинаніяхъ его можетъ, конечно, принимать дѣятельное участіе и каждый труженикъ школы, почему мы и даемъ мѣсто этой статьѣ въ нашемъ журналѣ. Ред.

Послѣднія длились и по недѣлѣ и болѣе, при чемъ каждый разъ на свадьбу сбѣгалось всё село, пропивались послѣднія крохи, напивались и мужики, и бабы, и малыя дѣти; заводились драки, ссоры, слышались нескромныя пѣсни, шутки, взаимныя издѣвательства; родители и старики, вмѣсто того, чтобы подать разумный совѣтъ молодымъ, научить ихъ добру и житейской мудрости, напивались до одуренія и безъ конца сквернословили, щеголяя другъ передъ другомъ безстыдствомъ и руганью...

Совершалось также и много такихъ гнусностей, о которыхъ и подумать зазорно...

Одна такая свадьба надолго разоряла даже средній по достатку крестьянскій дворъ; а менѣе состоятельные хозяева, чтобы не отстать отъ односельцевъ, закладывали свою надѣльную землю на крайне невыгодныхъ условіяхъ: земля обыкновенно отдавалась за $\frac{1}{10}$ $\frac{1}{10}$, а занятая сумма сама собою уплачивалась должникомъ, если послѣдній могъ когда-либо сложить её изъ своихъ скудныхъ заработковъ. Слѣдствіемъ такого порядка вещей было то, что почти третья часть домохозяевъ не имѣли своихъ поѣвовъ и десятки лѣтъ работали на своихъ же поляхъ, какъ поденщики, тяжкимъ трудомъ добывая себѣ кое-какія крохи...

Но пьянство отъ того не уменьшалось...

Долго раздумывалъ о. Дмитрій, какъ и чѣмъ помочь горю,—наконецъ, рѣшилъ обратиться за совѣтомъ къ одному изъ бывшихъ своихъ семинарскихъ наставниковъ, горячему проповѣднику народной трезвости. Въ яркихъ краскахъ описалъ ему о. Дмитрій своихъ прихожанъ и ихъ жалкую обстановку жизни, описалъ свои пастырскіе мо-

лодые порывы и стремленія, свои надежды и начинанія, и съ нетерпѣніемъ сталъ ждать отвѣта.

Отвѣтъ долго не замедлилъ.

„Радуюсь за васъ,—писалъ ему любимый наставникъ,—и спѣшу поддержать васъ на вашемъ трудномъ пути. Не падайте духомъ: выходъ къ лучшей, истинно-христіанской жизни для вашего, какъ и для всякаго православно-русскаго прихода, вполне возможенъ и осуществимъ. Но онъ не такъ-то легокъ и простъ, какъ вы предполагаете. „Зеленый змій“ крѣпко обвилъ народную душу своими цѣпкими кольцами и не скоро выпуститъ ее на свѣтъ Божій... Зло создавалось, накапливалось вѣками; цѣлыя горы его выросли въ жизни, а вы хотите сдвинуть его однимъ толчкомъ, однимъ горячимъ, отъ сердца идущимъ, словомъ... Зима не скоро уступаетъ свое мѣсто веснѣ и лѣту; громады льда не таютъ отъ одного яркаго весенняго луча... Начинайте съ малаго... У васъ въ приходѣ, несомнѣнно, должны быть мало пьющіе; встрѣчаются, должно быть, и совсѣмъ непьющіе...

„Отдѣлите пока этихъ трезвенниковъ и полутрезвенниковъ отъ остальной массы прихожанъ, сплотите ихъ во едино, укрѣпите ихъ волю въ добрѣ, лучомъ Божьяго свѣта озарите умы, братскою лаской согрѣйте сердца,—и это будетъ ваша первая надежная рать для борьбы съ вѣковымъ недугомъ народнымъ...

„Постарайтесь, чтобы жизнь этихъ трезвенниковъ пошла по новому, по Божьему пути, чтобы ни одно пятнышко не грязнило ваше доброе дѣло, особенно на первыхъ порахъ.

„Тогда и другіе, „видя вашу добрую жизнь“, примкнутъ къ вамъ, и ваше общество трезвости понемногу возрастетъ и окрѣпнетъ.

„Для большей успѣшности въ борьбѣ съ пьянствомъ заводите воскресныя и праздничныя собесѣдованія въ школь или въ церкви, распространяйте въ народѣ листки и брошюры о вредѣ пьянства и проч... Между прочимъ, рекомендую вамъ слѣдующій приемъ: устройте вблизи церкви, на видномъ мѣстѣ, деревянную раму подъ навѣсомъ, т.-е. такъ называемую „уличную“ библиотеку. Въ раму, наканунѣ каждаго воскреснаго и праздничнаго дня, можно вкладывать, по порядку страницъ, какую нибудь общедоступную брошюрку о пьянствѣ или о чемъ другомъ смотря по надобности, для чего потребуется два экз. каждаго изданія.

„Въ промежутки между церковными службами народъ хлынетъ къ выставленной вами приманкѣ и, несомнѣнно, одна—другая добрая мысль заляжетъ у кого-либо въ душѣ, пробудитъ чью-либо мысль, шевельнетъ хорошее чувство... Такія-же библиотеки можно устраивать и въ другихъ людныхъ мѣстахъ въ селѣ, и самый предметъ чтенія почаще разнообразить вставкой другихъ брошюръ и листовъ...

„А капля камень пробиваетъ...

„Не буду перебирать всѣхъ возможныхъ средствъ борьбы съ народнымъ пьянствомъ. Главное тутъ—любовь къ народу и искреннее желаніе послужить Божьему дѣлу, по мѣрѣ силъ и способностей. Потому не менѣе важнымъ условіемъ является хорошая начальная школа. Главный, наиболѣе опасный врагъ деревни, это—ея вѣковое невѣжество, въ союзъ съ коимъ успѣшно дѣйствуютъ и другіе враги деревни, какъ суевѣріе, медицинская безпомощность, хозяйственное и общественное неустройство и проч...

„Устраните главную причину народныхъ бѣдствій, дайте возможность са-

мому народу сознательно и плодотворно работать надъ устройствомъ собственной православно - христіанской жизни, и тогда жизнь вашего прихода сама собою улучшится,—станетъ для всѣхъ виднѣе—куда идти и что дѣлать...

„Конечно, я, главнымъ образомъ, разумью здѣсь не такъ называемое *элементарное образование* народа, какъ его обычно понимаютъ, а воспитаніе народнаго сердца въ духѣ христіанской любви и правды, просвѣщеніе народнаго ума свѣтомъ ученія Христа, укрѣпленіе его воли въ исполненіи Божіихъ заповѣдей въ устройствѣ всей жизни согласно завѣтамъ и уставамъ Св. Церкви Православной... Какъ-бы ни было прекрасно само по себѣ зданіе народнаго благополучія, но если оно строится не на „камени“, т.-е. твердыхъ православно - христіанскихъ принципахъ, то устойчивость его болѣе чѣмъ сомнительна. Впрочемъ, вы и безъ меня глубоко сознаете эту святую истину, да едва-ли кому и удастся возвести зданіе нашего народнаго благополучія внѣ Христа и Церкви Божіей... Вотъ что недавно писалъ по этому поводу Преосвященный Антоній, Епископъ Волинскій. — „Первенство религіознаго начала въ русской народной жизни есть повсемѣстный русскій законъ, въ силу котораго *сохраненіе религіознаго и нравственнаго строя является самою главною причиною крестьянскаго благосостоянія*, такъ что всякія иныя, даже наиболѣе разумныя мѣропріятія, являются лишь вторичными и вспомогательными условіями послѣдняго“ ¹⁾.

„Первымъ замѣтнымъ шагомъ въ вашей борьбѣ съ пьянствомъ можетъ быть сокращеніе свадебныхъ дней,

¹⁾ Московскія Вѣдомости. 1904 г. № 218.

страшно разоряющихъ народъ, по возможности—до *одного* дня.

„Надѣюсь, что, съ Божьей помощью, вы сдѣлаете этотъ шагъ не колеблясь. Но будьте осторожны: хорошее дѣло дѣлается не вдругъ.“

„Пусть сначала прихожане узнаютъ и полюбятъ васъ, научатся довѣрять вамъ во всемъ, цѣнить каждое ваше слово и наставленіе: пусть вмѣстѣ съ любовью и довѣріемъ къ своему пастырю проснется и окрѣпнетъ въ ихъ сердцахъ и любовное стремленіе къ разумному устроенію своей жизни, къ посильному осуществленію въ своей дѣятельности свѣтлыхъ завѣтовъ евангельскихъ,—тогда они смѣлѣе пойдутъ за вами къ иной, лучшей жизни... Отъ души жалаю вамъ въ этомъ полномъ успѣхѣ!..“

Богъ вамъ въ помощь!“...

Это письмо было цѣлымъ откровеніемъ для о. Димитрія. Онъ много разъ перечитывалъ его и каждое слово дорогого наставника свѣтлымъ лучомъ проникало ему въ душу...

И началась въ Пуклякахъ кипучая, дѣятельная работа противъ пьянства. Пригласилъ къ себѣ о. Димитрій дѣлазнаго, знающаго и умѣлаго учителя, добраго хрістіанина, одушевленнаго лучшими чувствами и намѣреніями (въ будущемъ о. Димитрій надѣется открыть въ своемъ приходѣ двухклассную церковно-приходскую школу), собралъ вокругъ себя небольшой кружокъ изъ трезвыхъ и работающихъ хозяевъ, завелъ воскресныя и праздничныя собесѣдованія въ школѣ и въ церкви, устроилъ „уличную“ библиотечку вблизи церкви, открывалъ въ церковной сторожкѣ продажу религіозно-нравственныхъ брошюръ и листовъ противъ пьянства, сквернословія и проч. ограничилъ, на сколько было возможно, потребление водки на похо-

ронахъ, поминальныхъ обѣдахъ, крестинахъ, и уже принялся было за свадьбы, но тутъ крестьяне заартачились и заволновались. Нѣкоторые изъ недовольныхъ написали даже жалобу о. благочинному, что батюшка будто бы подговариваетъ ихъ закрыть винную лавку въ приходѣ...

Но это не смущало о. Димитрія: онъ былъ увѣренъ въ конечной побѣдѣ надъ вѣковой тьмой, и всѣ препятствія только возбуждали его волю, придавали ему больше энергіи въ борьбѣ съ „зеленымъ змиемъ“ и другими вѣковыми язвами народными...

Многіе изъ прихожанъ о. Димитрія, примкнувшіе къ основанному имъ обществу трезвости, мало по малу оправлялись и отстраивались: кое-гдѣ появлялись новыя, помѣстительныя хаты, прочныя хозяйственныя строенія; высокіе плетни плотными кольцами стали охватывать усадьбы и огороды; возлѣ многихъ хатъ зазеленѣли садики, съ хорошими сортами яблонь и грушъ, зацвѣли липы и акаціи, а возлѣ нихъ зажужжали пчелки-работницы... Но большинство прихожанъ попрежнему горько пьянствовали и всё болѣе и болѣе нищали...

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ.

Пуклякское общество трезвости медленно разрасталось, пріобрѣтая каждый годъ не болѣе шести-восьми новыхъ членовъ. Отношенія между о. Димитріемъ и прихожанами были теперь какія-то неровныя, неустойчивыя: они то разсыпались въ похвалахъ своему батюшкѣ, то вдругъ проявляли упорное недовѣріе и даже какую-то скрытую враждебность къ его словамъ и начинаніямъ. Крестьяне никакъ не могли повѣрить, что о. Димитрій трудится и хлопочетъ совершенно *безкорыстно*, изъ чисто-хрістіанскихъ побужденій: въ каждомъ его поступкѣ,

въ каждомъ дѣйстви, направленномъ ко благу прихожанъ, они усматривали личныя своекорыстныя цѣли.— „Чогото винъ такъ старается?—спрашивали они другъ друга съ ироническимъ недоумѣніемъ.— Певно награду видъ начальства получить хоче?“...

Нужно было что нибудь особенное, исключительное, чтобы сразу же открыть глаза крестьянамъ, разъ навсегда завоевать ихъ любовь и довѣріе къ своимъ словамъ и добрымъ начинаніямъ...

Промысломъ Божиимъ все въ жизни, даже самыя несчастія, мудро направляется ко благу человѣка; часто самыя тяжкія бѣдствія служатъ правдѣ жизни, споспѣшествуютъ устроенію Царствія Божія на землѣ...

Какъ то осенью, когда въ школѣ о. Дмитрія производился приѣмъ учениковъ, въ Пуклякахъ отъ неизвѣстной причины произошелъ пожаръ—и около половины села сгорѣло. Горе крестьянъ не поддавалось описанію. вмѣстѣ съ избами и постройками сгорѣло много хлѣба, и большинство погорѣвшихъ хозяевъ остались почти нищими...

Велико было горе и о. Дмитрія, но онъ не палъ духомъ и не опустилъ бессильно рукъ передъ общимъ бѣдствіемъ...

Бодро, съ необычайной энергіей, закипѣла работа у о. Дмитрія.

Въ ближайшихъ селахъ, съ разрѣшенія подлежащаго начальства, открыта была подписка въ помощь пострадавшимъ; мѣстная землевладѣлица пожертвовала каждому погорѣльцу отъ 30 до 40 пудовъ зернового хлѣба, отпустила лѣса на постройки. Напечатаны были горячія воззванія въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; всѣ погорѣльцы размѣщены были въ другой,

уцѣлѣвшей половинѣ села; нѣкоторые помѣстились даже въ школьной и церковной сторожкѣ...

Многимъ, наиболѣе пострадавшимъ, о. Дмитрій посылалъ отъ себя съѣстные припасы, муку, молоко для дѣтей, многихъ ссужалъ деньгами, строительными матеріалами и проч. Не малую услугу оказало пострадавшимъ и устроенное о. Дмитріемъ церковное попечительство. Многимъ оно оказало денежное пособіе, а одному изъ трезвенниковъ, сильнѣе другихъ пострадавшему отъ пожара и неимѣвшему возможности отстроиться собственными средствами, построило на свои средства хату и клуню. О. Дмитрій самъ нанималъ и столяровъ, и плотниковъ, и каменщиковъ, — и черезъ годъ, на мѣстѣ бывшего пожарища, молодо выглядывали бѣлыя хатки и прочныя хозяйственныя строенія, нѣкоторыя — уже съ желѣзными крышами.

Только теперь крестьяне увидѣли, какое сердце бьется въ груди ихъ добраго пастыря, какою дивною нравственною красотой, силой и самоотверженной любовью полна душа служителя Божія, болѣзненно-чуткая къ чужому горю и страданію!..

Отъ долгихъ хлопотъ и неустанной, нервно-напряженной дѣятельности о. Дмитрій даже заболѣлъ; но зато на душѣ у него было свѣтло и отрадно, какъ въ пасхальное утро. Крестьяне прямо благоговѣли передъ своимъ батюшкой, и не находили достаточно словъ для выраженія своей сердечной признательности дорогому пастырю и благодѣтелю... Теперь о. Дмитрій чувствовалъ, что каждое слово его будетъ исполнено, что нѣтъ такой жертвы для Божьяго дѣла, на которую не рѣшились бы теперь его прихожане.

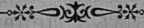
Но о. Дмитрій не желалъ возла-

гать на своихъ пасомыхъ „бремена неудобноносимыя“; пользуясь моментомъ, о. Димитрій предложилъ пока крестьянамъ сократить свадебный разгулъ до одного дня. Крестьяне съ радостью согласились и тутъ-же составили первый приговоръ *противъ* „зеленаго змія“...

Такъ была одержана первая крупная побѣда надъ вѣковой тьмою на-

родной. За нею, съ Божьей помощью, послѣдуютъ другія,—и уже не съ прежнимъ враждебнымъ недоувѣремъ, но съ радостью и любовью пойдутъ за о. Димитріемъ его благодарные прихожане по пути къ Церкви, къ Божьему свѣту, къ вѣчной правдѣ Евангельской, къ христіанской любви и безконечному совершенствованію...

О. А. Н.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Постыдное равнодушіе.

„Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ“. — Ев. отъ Іоанна, гл. 4, ст. 35.

Кто подолгу не жываль въ деревнѣ, тотъ едва ли представляетъ, какое значеніе имѣетъ для грамотнаго простолюдина хорошая душеспасительная книжка. Такая книжка, особенно если она отличается живостію, доступностію и сердечностію, надолго приковываетъ вниманіе деревенскихъ грамотеевъ, и, какъ драгоценность, съ благоговѣніемъ и свѣтлою, волнующею радостью передается изъ рукъ въ руки, изъ села въ село, вызывая вездѣ слезы умиленія и восторга, всюду внося свѣтъ и миръ и благодать душевнаго успокоенія...

На дняхъ приходитъ ко мнѣ крестьянинъ изъ сосѣдняго села Н—ецъ и проситъ возвратить ему его книжку. — „Я, говоритъ, „позычилъ“ ее вашимъ крестьянамъ,—очень просили; теперь прихожу, а они говорятъ, что книжка у васъ. Если прочитали,—отдайте: соскучился я по ней очень... Хорошая, божественная книжка!“...

Книжка оказалась у батюшки...

А вотъ и другой случай. Приходитъ ко мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ грамотеевъ и проситъ выписать ему изъ Аѳона „хорошихъ“ книжекъ для чтенія. Показываетъ засаленный, невѣдомо какими путями добытый каталогъ издацій св. Аѳонской горы... „Сижу, говоритъ, безъ книжки божественной, какъ медвѣдь въ берлогѣ, и скучаю“...

Я исполнилъ его просьбу, и далъ ему для прочтенія „Божьи Искры“. Черезъ нѣсколько дней приходитъ—и въ восторгѣ. — „Нѣтъ-ли еще такихъ?“—говоритъ. Я далъ ему и еще кое-что: „Дивный старецъ“, „Святой строитель Донской Украины“ и еще нѣкоторыя другія книжки. Захожу какъ-то вечеромъ къ нему и вижу такую картину: мой грамотей, молодой крестьянинъ, старшій сынъ въ семьѣ, читаетъ книжку, а вся семья, даже большая дѣвушка, сестра тещи, напряженно вслушивается въ чтеніе... У больной, которая лежитъ на постели безъ движенія, глаза широко раскрыты, и въ нихъ тихимъ

пламенемъ горить что-то хорошее, чистое, грустное...

Возвращаюсь домой и застаю друтого молодого крестьянина—изъ бывшихъ питомцевъ мѣстной церковно-приходской школы. Поздоровавшись со мной, онъ сталъ конфузливо переминаться съ ноги на ногу и смущенно прокашливаться... Спрашиваю: „чѣмъ могу быть полезнымъ?“—„Я... я—ничего...—конфузится онъ.—Я слыхалъ, что у васъ есть книжки хорошія?... Покажите мнѣ... я такъ... только посмотрю“...

Я повелъ его въ свою зальцу, гдѣ находится моя небольшая библіотечка, и предоставилъ моему гостю наслаждаться лицезрѣніемъ моихъ скромныхъ книжныхъ богатствъ. Мой гость былъ въ восторгѣ.

У насъ завязался душевный разговоръ, изъ коего я узналъ, что мой гость думалъ было поступить въ монастырь, „гдѣ много-много всякихъ божественныхъ книгъ“, не разъ бывалъ въ Кіевѣ, Почаевѣ и въ Черниговѣ, у святителя Θεодосія...

Долго онъ рассказывалъ о себѣ, и мнѣ все время казалось, что я слышу долгій, не прекращающійся вопль народный,—воплъ, заключающій въ себѣ давно назрѣвшую, но далеко еще не удовлетворенную, просьбу о хлѣбѣ духовномъ...

Да, народъ просить пищи духовной, просить настойчиво и терпѣливо, кричить о своемъ духовномъ голодѣ, и часто въ отвѣтъ ему слышится лишь наше постыдно-равнодушное молчаніе, вслѣдствіе чего лучшіе запросы народа гложутъ, или находятъ себѣ иное, нежелательное удовлетвореніе...

И въ самомъ дѣлѣ: почему бы не открыть при каждой церкви и школѣ маленькой книжной лавочки, гдѣ бы покупались народомъ лучшія рели-

гіозно-нравственныя изданія, одобренныя духовною цензурою и вполне доступныя для народа по своему содержанию? Вѣдь у насъ такъ много прекрасныхъ религіозно-нравственныхъ изданій, такъ много дѣятелей, посвятившихъ свои лучшія силы святому дѣлу просвѣщенія родной земли...

„Въ этомъ отношеніи первенствующее значеніе, безъ сомнѣнія, имѣютъ знаменитыя „Троицкіе Листки“ и „Цвѣтки“, въ теченіе почти четверти вѣка издаваемые Обителю Преподобнаго Сергія, подъ редакціей неумоимаго труженика—Нікона, нынѣ Епископа Серпуховскаго“¹⁾.

Очень хороши также народныя изданія Почаевской и Кіево-Печерской Лавры,—въ послѣдней—подъ редакціей протоіерея К. І. Фоменко, Синодальнаго Училищнаго Совѣта, Московской Синодальной Типографіи, Александро-Невскаго общества трезвости и нѣкоторыхъ др.

И не стыдно ли намъ, работникамъ на церковно-школьномъ поприщѣ, что и до сихъ поръ духовной пищей деревенскихъ грамотеевъ отчасти служатъ различныя Милорды „глупые“, по выраженію покойнаго В. Г. Бѣлинскаго, да прекрасныя „инзивей“, а также—духовная макулатура разныхъ невѣжественныхъ издателей, разсѣвающихъ, подъ личиною благочестія, духовный мракъ и религіозные предрассудки во всевозможныхъ формахъ и проявленіяхъ...

Вообще вопросъ объ облегченіи доступа въ народъ хорошей нравственно-религіозной книжкѣ въ нынѣшнее время пріобрѣтаетъ особо-важное, почти исключительное значеніе. Переживаемый нами историческій моментъ

¹⁾ „Минувшій годъ въ церковно-общественномъ отношеніи“, Церковныя Вѣд. 1905 г., № 1, стр. 12.

требуеть отъ духовенства и лучшихъ элементовъ русскаго общества напряженія всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ и способностей... Чтобы удержатъ за собою позицію, чтобы защитить свою вѣковѣчную правду, заключающуюся въ смиренномъ и самоотверженномъ выполненіи долга хрістіанскаго и гражданскаго, мы должны *возможно полнѣе выяснить ее въ сознаніи народа*, и тѣмъ сдѣлать его *неуязвимымъ* для разнаго рода политиканствующихъ верхоглядь, мечтающихъ реформировать весь существующій строй, создававшійся вѣками и тысячелѣтіями, въ нѣсколько дней... А чѣмъ же *прежде всего* крѣпка наша народная правда, какъ не вѣрою во Христа Спасителя, какъ не водительство и заступленіемъ св. Церкви Православной!...

Глубоки и неискоренимы православные русскіе завѣты въ душѣ русскаго народа, но они затемняются его ужаснымъ невѣжествомъ, ослабляются пьянствомъ и вытекающимъ изъ него равнодушіемъ къ Божьему дѣлу на землѣ; не говоря уже о растлѣвающимъ вліяніи антицерковныхъ изданій, распространяемыхъ подчасъ съ удивительнымъ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія.

Вспомнимъ поразительное невѣжество нашего простого народа хотя бы относительно внутренняго смысла и содержанія нашего православно-русскаго богослуженія. Крестьяне не понимаютъ смысла даже отдѣльныхъ возгласовъ священника и діакона. Такъ, напримѣръ, возгласъ священника на литургіи „Имамы ко Господу“ крестьяне нѣкоторыхъ приходь понимаютъ въ смыслѣ: „и мамы, т. е. матери, приступите ко Господу“, вслѣдствіе чего женщины подвигаются въ это время къ алтарю, и, толпясь, цѣ-

луютъ иконы на аналояхъ, чѣмъ производятъ шумъ въ церкви и препятствуютъ благоговѣйному совершенію богослуженія... Такихъ случаевъ народной темноты и заброшенности можно бы привести множество. Они всѣмъ извѣстны и во всѣхъ живыхъ людяхъ вызываютъ чувство стыда и смущенія... Замалчивать ихъ опасно и безцѣльно: зло слишкомъ велико, чтобы можно было прикрыть его розовой тафтой доморощенного прекраснотушія.

Въ народѣ, особенно въ нашемъ Русскомъ народѣ, въ глубинѣ его чистаго и добраго сердца живетъ нѣжная, благоговѣйно - молитвенная любовь къ слову Божію, къ службѣ церковной, къ хорошей, назидательной книжкѣ... Грѣшно оставлять эти высокія и свѣтлыя требованія души народной безъ скорого и возможно-полнаго удовлетворенія... Большимъ урокомъ, грознымъ предостереженіемъ всѣмъ намъ являются хотя бы штунда и др. болѣзненные явленія въ церковно - общественной жизни нашей многострадальной родины...

Будемъ же открывать при церквахъ и школахъ книжныя лавочки, распространять въ народѣ каталоги лучшихъ религіозно - нравственныхъ изданій, усиленно рекомендовать эти изданія всѣмъ деревенскимъ грамотеямъ, всячески облегчать хорошей книжкѣ доступъ въ деревню!... Здоровый, имѣющій достаточный запасъ жизненныхъ силъ, организмъ челоуѣка не легко поддается болѣзни и легко ее выдерживаетъ... Дадимъ же народу добрую, здоровую пищу, просвѣтимъ его словомъ Божіимъ, воспитаемъ въ немъ непоколебимыя православно-хрістіанскія воззрѣнія, откроемъ ему доступъ къ высшимъ богословскимъ знаніямъ,—и тогда воистину и „врата ада не одолѣютъ насъ“... Порадѣемъ, отцы

и братья—соратники на нивѣ Божіей, родной Церкви-Матери и Царю Православному,—потрудимся, по мѣрѣ силъ, для духовнаго, а затѣмъ уже и матеріальнаго блага нашего добраго, умнаго, сердечно-чуткаго народа. Онъ стоитъ передъ нами, родной и огром-

ный, и слезно просить духовнаго хлѣба, свѣта и нравственнаго возрожденія... Поспѣшимъ же къ нему навстрѣчу, и протянемъ ему по братски руку помощи... Теперь или никогда!...

С. Козубовскій.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина ¹⁾.

25 Октября. Вечеромъ сегодня былъ я у раскольниковъ въ моленной, гдѣ по окончаніи ихъ службы, завязалась у насъ оживленная бесѣда, продолжавшаяся до самыхъ сумерекъ. На этой бесѣдѣ присутствовало много и дѣтей раскольниковъ изъ числа учениковъ моей школы.

8 Ноября. Наступили сильные холода. Сегодня, собираясь съ учениками къ заутрени, я не досчитался нѣсколькихъ мальчиковъ. Спрашиваю у товарищей—почему они не пришли, тѣ отвѣчаютъ мнѣ, что неявившіеся мальчики принадлежатъ къ числу бѣднѣйшихъ семействъ села, и не имѣютъ теплой одежды, безъ которой дѣйствительно трудно выстоять службу въ нашемъ храмѣ: онъ очень ветхъ, насквозь пронизывается вѣтромъ и вьюгой. Холодъ въ немъ невозможный, даже взрослому человѣку не втерпежь. Есть слухи, что единовѣрческая церковь нашего села будетъ отопляться въ праздничные дни; это бы хорошо: хоть туда будутъ ходить мои маленькіе бѣдняки, а то, право, за нихъ очень грустно.

11 Ноября. Сегодня я еще разъ убѣдился, что нѣкоторыя книжечки школьной бібліотеки вовсе не подходящи для учениковъ школы церковно-приходской. Когда я пришелъ въ школу, незамѣченный собравшимися малы-

шами, и сѣлъ въ смежной съ классомъ комнаткѣ, чтобы обсудить хорошенько предстоящія занятія, вдругъ слышу, что одинъ изъ мальчугановъ старшаго отдѣленія силится выучить стихотвореніе Пушкина „Гусарь“ и съ апломбомъ ораторствуетъ:

„То-ль дѣло Кіевъ? Что за край!

Ударяя на стихъ:

— „Ей—ей не жаль отдать души
За взгляды красоты чернобривой.
Однимъ, однимъ не хороши“...

Пискливый голосъ другого малыша подхватываетъ:

— „А чѣмъ же? Расскажи, служивый!

Послѣ уроковъ пришлось отобрать эту книгу отъ ученика.

16 Ноября. Сегодня мнѣ представился случай быть разрѣшителемъ прекуръезнѣйшаго вопроса, характеризующаго народное невѣжество.

Заявляется ко мнѣ въ квартиру древняя предревняя старушка и проситъ записать въ поминаніе ея умершихъ родственниковъ. Тутъ были еще нѣсколько женщинъ-старухъ.

Рѣчь у нихъ зашла о приближающемся храмовомъ праздникѣ нашего села. Вдругъ старушка, пришедшая съ поминаньемъ, обращается ко мнѣ и спрашиваетъ:

— „Да что, милый, она Микола-то мужикъ что-ль, аль баба (т.-е. мужчина или женщина)?“

¹⁾ Продолженіе. См. съ № 8 по 38.

Я отъ удивленія и глаза вытаращилъ.

— „Уже ли этого ты не знаешь, бабушка?“ спросилъ я старуху.

— „То-то нѣтъ. Вѣдь иные молятся ей и говорятъ: „матушка Никола милосливая, помоги мнѣ“, а другіе говорятъ: „Николай Угодникъ батюшка, помолись обо мнѣ“, вотъ и не знаю, чья правда“.

Что дѣлать! Пришлось мнѣ объяснить старухѣ ея вопросъ. Вѣдь сказанныя ею выраженія нашихъ простецовъ крестьянъ дѣйствительно могли сбить ее съ толку.

Какихъ словъ не услышишь, живя въ непечатой сельской глуши!

23 Ноября. Сегодня во время уроковъ въ учебникѣ одного мальчика я случайно нашелъ три экземпляра „Троицкихъ Листковъ“.

— „Твой?“ спросилъ я малыша.

— „Нѣтъ“, отвѣтилъ онъ: „это вонъ Семкины“.

Я спросилъ и „Семку“, гдѣ тотъ досталъ эти листки. Семень отвѣчалъ, что ему подарилъ дядя. По дальнѣйшимъ разспросамъ оказалось, что эти листки давно уже странствуютъ по рукамъ моихъ школьниковъ, и очевидно, послѣдніе ими очень интересуются, такъ что если бы побольше достать такихъ листковъ для школы, то, надѣюсь, они явились-бы цѣннымъ приобрѣтеніемъ и украшеніемъ для бібліотеки церковно-приходской школы, а для раскольниковъ, привыкшихъ мнить о православныхъ книгахъ какъ о „противныхъ и развращенныхъ“, эти листки были бы доказательствомъ того, что въ изданіи нашего православнаго монастыря нѣтъ ничего противнаго и развращеннаго, а напротивъ—каждая строка, каждая мысль этихъ небольшихъ клочковъ бумаги—цѣнна, назидательна, душеспасительна и поучи-

тельна. Вотъ это не „Гусарь“ и не „Евгеній Онѣгинъ“, а здравая и питательная пища для вѣрующей души русскаго человѣка. А какъ эти листки изложены! Просто, понятно и общедоступно.

Признаюсь, что я давно не видѣлъ этихъ листковъ, но издаются они, кажется, давно уже. До поступленія своего въ уѣздное училище, помнится, я читалъ ихъ. Особенно памятенъ мнѣ одинъ листокъ о сквернословіи, написанный сильнымъ, но понятнымъ языкомъ.

Когда я его читалъ, хорошенько не помню.

5 Декабря. Книга „Москва и ея святыни“, находящаяся въ нашей школьной бібліотекѣ, кажется и двухъ лѣтъ еще не просуществуетъ: ни одного дня не лежитъ она въ шкафу, вѣчно странствуетъ по всему селу. Я полагалъ, что рисунки ея привлекаютъ юныхъ читателей, но оказывается—содержаніе ея главнымъ образомъ интересуется ихъ. Сегодня, напримѣръ, спрашиваю я одного малыша, возвращавшаго эту книгу, что именно ему понравилось въ ней.

— „Въ ней про все хорошо читать“, слѣдуетъ отвѣтъ.

— „А одноко-же, про что именно?“ не унимаюся я.

— „Какъ поднимали царь-колоколъ“, отвѣчаетъ ученикъ.

— „Разскажи“.

И мальчикъ въ краткихъ чертахъ, но бойко и смысленно передаетъ мнѣ исторію величайшаго памятника русской старины, при чемъ даже фамилію „апитехтора“ (Монферана) силится выговорить.

6 Декабря. Нашъ престольный праздникъ. Надо-бы радоваться, встрѣчая его, а я скорбѣлъ еще на канунѣ: зналъ я (по опыту прежнихъ лѣтъ),

что не по-христіански проведутъ его наши абашевцы. До отхода обѣдни только было все похоже на праздничное торжество: съ ранняго утра гудѣли колокола въ обѣихъ церквахъ села, на улицахъ было тихо, чинно... Но не прошло послѣ отхода церковной службы и двухъ часовъ, какъ на улицахъ начали показываться „шатающіеся языцы“, многіе уже валяются на дорогѣ и около кабака, этого поистинѣ бѣсовскаго озера, губителя на роднаго торжества, помрачителя чистой отъ природы и вѣрующей души русскаго человѣка, повсюду слышится шумъ, брань и пѣсни... Не видно ничего такого, что-бы напоминало христіанскій праздникъ. Въ просвѣщенномъ свѣтомъ ученія Христова, но отуманенномъ виномъ, русскомъ народѣ вновь проснулся язычникъ, падкій до увеселеній, пьянства и непристойностей. Видя все это, невольно вспоминаешь слова св. Пророка Исаи, сказанныя отъ лица Господня Израильскому народу: „Новомѣсячія ваши и праздники ваши ненавиждитъ душа Моя: они—бремя для Меня, Мнѣ тяжело нести ихъ“. (Ис. 1 гл. 14 ст.). Слова эти, къ сожалѣнію, примѣнимы и къ нашему народу, язычески проводящему праздникъ своего молитвенника и покровителя.

Одно радуеть сердце: вся школа моя хоть на нѣсколько часовъ отвлечена мною отъ созерцанія этихъ безобразій: малыши тотчасъ послѣ обѣда явились всѣ по моему приказанію въ школу, и мы провели время за чтеніемъ книги „Нарушители десяти заповѣдей Божіихъ“.

17 Декабря. Состоя на должности учителя вотъ уже три года, я на практикѣ все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что очень сильно жаждетъ наша чернь образованія, усиленно

ищетъ просвѣщенія... Что, напримѣръ, какъ не эта жажда къ ученю, влечетъ въ школу каждое утро этихъ курчавыхъ малышей? Ни слякоть осенняя, ни вьюга, ни сильнѣйшіе холода не останавливаютъ ихъ на пути въ родную сельскую школу. Чуть забрезжится холодная, мгlistая, декабрьская заря, смотришь — ребятишки уже ползутъ. Много между ними бѣдняковъ, сиротъ, обездоленныхъ судьбою, не имѣющихъ ни сносной одеженки, ни теплой обуви, ни даже крѣпкой шапченки, но и эти бѣдняки не отстаютъ отъ своихъ, болѣе обеспеченныхъ одеждою, товарищей.

Трещить чуть ли не сорокаградусный морозъ, крутитъ холодная метель, а они бѣгутъ, утопая иногда по поясъ въ снѣжныхъ сугробахъ... Прибѣжать въ школу, иногда очень холодную, дрожать, прыгаютъ, дуютъ на руки, на глазахъ у нихъ блестятъ выжатые морозомъ, поистинѣ золотыя, слезинки, но никогда не увидитъ учитель у нихъ печальнаго лица: они такъ же веселы, какъ и другіе ихъ товарищи, пришедшіе въ теплой одеждѣ, такъ же беззаботно смѣются, такъ же довольны своимъ положеніемъ. Дую на руки или оттирая уши, буквально замерзшія по краямъ и побѣлѣвшія словно грибы, бѣднякъ-мальчикъ почти не обращаетъ на это вниманія и, вмѣсто того, чтобы разревѣться, какъ въ подобныхъ случаяхъ дѣлаютъ изнѣженные дѣти, спѣшитъ къ товарищу съ важнымъ для него вопросомъ:

— Ну что, Прошка, рѣшилъ задачу-то?

И получивъ утвердительный отвѣтъ, весело улыбнется и только развѣ промолвить:

— Ну, и морозъ нынѣ: мы съ Мотькой уши даже оморозили, вишь — словно жареная картошка!

Слѣдуетъ веселый хохоть, поддерживаемый другими подобными островами малышей по отношенію къ морозу.

Пишу я это не сочиняя, но копируя одну изъ ежедневно повторяющихся картинъ школьной жизни, картинъ, наглядно иллюстрирующихъ то, какъ и какія препятствія преодолеваетъ дитя бѣднаго русскаго мужичка, чтобы хотя пройти алфавитъ русской азбуки и научиться чтенію нѣсколькихъ молитвъ. Ну хватить ли духу у учителя послѣ этого лѣниться или злоупотреблять своею должностію?

10 Января. Въ длинные зимніе вечера, когда никого нѣтъ вокругъ, никто не нарушаетъ царящей тишины моей коморки, кромѣ завыванія вьюги да треска крещенскаго мороза за стѣною, любо перенестись мечтою въ прошлое... Картины его встаютъ въ воображеніи одна за другою, иногда радостныя, иногда печальныя. Но какъ первыя, такъ и вторыя—одинаково милы сердцу, одинаково дороги и являются пріятнымъ воспоминаніемъ.

Сегодня вечеромъ, окончивъ письменный планъ занятій къ слѣдующимъ урокамъ, я легъ на койку и вспомнилъ о курсахъ. Передо мною встали, словно наяву, почтенныя личности ихъ руководителей. Вотъ о. П—въ, прекрасный пчеловодъ, сообщавшій намъ свѣдѣнія по сему предмету. Я никогда не забуду его и его пасѣки, находящейся въ уютномъ садикѣ около его дома. Тамъ, подъ тѣнью раскидистыхъ деревьевъ, соберетъ онъ, бывало, насъ курсистовъ въ тѣсный кружокъ и начнетъ объяснять приемы, необходимыя при веденіи пчеловодства, показывая при этомъ инструменты, относящіяся къ всему дѣлу. По всему, бывало, видно, что почтенный священникъ любитъ это занятіе, любитъ и

желаетъ отъ души привить эту любовь другимъ. Съ какимъ жаромъ, съ какимъ увлеченіемъ онъ, бывало, говорилъ намъ про жизнь пчелы, ея трудолюбіе, нравъ и отношенія къ своему дѣлу! Съ какою охотою водилъ онъ насъ отъ одного улья къ другому, показывая наглядно неустанную работу чистоплотныхъ насѣкомыхъ! И хочется вѣрить, что добрый руководитель не въ одно только сердце заронилъ искру любви къ благородному занятію пчеловодствомъ, и эта искра, можетъ быть, со временемъ разгорится въ яркое пламя гдѣ-нибудь въ темной глуши захолустной деревни.

Не могу умолчать и о многоуважаемомъ инспекторѣ курсовъ А. Н. М—скомъ. Это тоже симпатичѣйшая личность. Съ каждымъ изъ насъ онъ, бывало, охотно разговариваетъ и спрашиваетъ о нуждахъ, кто какія имѣетъ, даетъ совѣты и указанія, разъясненія и наставленія... Всѣ имѣли доступъ къ его сердцу, всѣмъ намъ онъ былъ хотя и временнымъ, но добрымъ и опытнымъ наставникомъ. А по окончаніи курсовъ въ своей прощальной рѣчи онъ говорилъ намъ: „если встрѣтятся у васъ въ жизни ли, въ дѣлѣ ли преподаванія какія-либо затрудненія и неудачи, вы не падайте духомъ, не опускайте рукъ, но продолжайте итти по развѣченному пути не лѣнностно, охотно и съ должнымъ усердіемъ и вниманіемъ къ своему дѣлу. Помните, что терпѣніе и трудъ все перетрутъ. А затрудненія съ кѣмъ не бываютъ, съ кѣмъ не случаются? Итакъ, трудитесь, господа, продолжайте свое дѣло. Вашъ честный трудъ особенно дорогъ и Государю и отчизнѣ“.

И отраднo вспомнить эти слова: они служатъ мнѣ всегда руководящею нитью въ различныхъ затрудненіяхъ

учительской жизни и заставляютъ съ надеждою смотрѣть въ будущее.

13 Января. Сегодня у меня въ школѣ произошелъ смѣшной случай, доказывающій необходимость объясненія малопонятныхъ словъ ученикамъ при чтеніи статей.

Прошлый урокъ, задавая статью для чтенія дѣтямъ на домъ, я забылъ объяснить имъ нѣкоторыя, требующія сего, слова. И что же? Сегодня слышу одинъ изъ мальчиковъ читаетъ:

— „Усѣлся я съ позволенія ямщика

на козлѣ“, дѣлая удареніе въ послѣднемъ словѣ на „а“.

Дѣти, которыя подогадливіе, улыбнулись, слыша курьезное чтеніе товарища, а менѣе способныя вовсе не замѣтили его ошибки. Я спросилъ одного изъ числа послѣднихъ, куда усѣлся мальчикъ.

— На козлѣ,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Пришлось и посмѣяться, и пожалѣть о своемъ промахѣ.

Учит. *Е. Нуликовъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Учителю.

Трудися, братъ, надъ чистой нивой
Святыхъ младенческихъ сердець;
Да ниспошлетъ успѣхъ счастливый
На скромный трудъ твой Богъ Творецъ.

Люби сердечно до могилы
Тебѣ повѣренныхъ дѣтей:
Въ нихъ скрыты будущія силы
И крѣпость родины твоей.
Трудися, поборникъ просвѣщенья!
Пусть броситъ въ сердце мужика
Зародышъ чистаго ученья
Твоя рабочая рука.

И вѣрь, что брошенное сѣмя
Въ сердцахъ дѣтей не пропадетъ:

Взойдетъ оно, наступитъ время,
И плодъ стократный принесетъ.
Оно создастъ отчизнѣ сына,
Слугу для батюшки Царя
Съ душой и сердцемъ Сусанина,
Въ борьбѣ за Русь—богатыря.

И не забудетъ мать-Россія
Твой скромный, но полезный трудъ:
Твои дѣянія благія
Въ потомство дальнее пройдутъ.
Трудися же, братъ, надъ чистой нивой
Святыхъ младенческихъ сердець,—
Да ниспошлетъ успѣхъ счастливый
На скромный трудъ твой Богъ Творецъ.

Е. Нуликовъ.

ПОСѢВЫ И ВСХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XXXIX.

Огрубѣлость, невѣжество и некультурность нашего крестьянина.—Склонность къ преувеличеніямъ и извращеннымъ перетолкованіямъ въ религіи и др. областяхъ.—Надежды на школу.

Какъ просвѣщенный умъ вносить всюду, съ чѣмъ соприкасается, во всѣ области человѣческой жизни и дѣятельности,—разумность, осмысленность, свѣтъ

и пріятность, такъ невѣжество портитъ и растлѣваетъ своею тьмою, убожествомъ, ограниченностію и тупостію — такъ же все, къ чему прилагаетъ свою темную

разрушающую силу. Особенно въ бытѣ нашихъ крестьянъ это невѣжество проявляется въ поразительныхъ размѣрахъ, составляя главное условіе ихъ ужасающей некультурности, бѣдности и малоспособности. Уже весь внѣшній видъ и внѣшняя обстановка вопіетъ объ этомъ громче всякихъ словъ. Не часто вы увидите истинно умное, вдумчиво-серьезное, мыслящее лицо. Чаше встрѣчается вамъ лицо, ничего не выражающее кромѣ какого-то тупого равнодушія ко всему окружающему, вялой апатіи и животности. Начните говорить съ такимъ человѣкомъ,—до сути дѣла не доберетесь: переминаясь съ ноги на ногу, почесывая затылокъ, заикаясь, запутываясь въ словахъ и понятіяхъ, повторяя сотни разъ какія-нибудь ничего не выражающія слова въ родѣ „таперича“, „почитай“ и т. п.,—такой собесѣдникъ—настоящая пытка для совопросника... Если онъ ѣдетъ съ возомъ, непременно займетъ одинъ пѣлюю дорогу и ни за что не сверотитъ встрѣчному путнику, хотя бы и видѣлъ необходимость этого,—развѣ только на него погрубѣе прикрикнуть, да и то онъ уступить не торопясь и съ нестерпимою вялостію. Вздумается ему постоять, остановиться, онъ сдѣлаетъ это безъ всякихъ соображеній объ умѣстности своего стоянія: при самомъ выходѣ изъ храма, въ воротахъ монастыря, гдѣ наибольшая толкотня, ѣзда, суетня—все ему ни по чемъ. Самъ грубый и рѣзкій въ обращеніи, онъ и отъ другихъ понимаетъ только такое же грубое, несмягченное обращеніе. На эту тему существуетъ множество рассказовъ, едва ли представляющихъ одну фантазію. Вотъ, напр., одинъ изъ такихъ мужиковъ, выѣхавъ на рынокъ съ телѣгой, нагруженной дровами для продажи, выдвинулъ свой возъ изъ ряда другихъ на самую дорогу. Нѣсколько разъ городской подходитъ къ нему и „деликатно“ проситъ: „будьте добры: подвиньте вашъ возикъ въ рядъ съ другими, чтобы проходилъ былъ свободнѣе“... Мужикъ и

не чешется. Наконецъ, утомившись деликатными просьбами, блюститель порядка набрасывается на него съ яростью башибузука, при чемъ ввертываетъ въ свою рѣчь нѣсколько столь знакомыхъ мужичку крѣпкихъ словцовъ изъ его базарнаго лексикона. И что же? „Давно бы толкомъ и сказалъ!“—спокойно замѣчаетъ мужикъ, и флегматично вдвигаетъ возъ на мѣсто. Не менѣе характеренъ и слѣдующій случай. На платформѣ желѣзной дороги толпятся нѣсколько мужичковъ у вагона, не рѣшаясь войти. „Господа, садитесь пожалуйста!“—кричитъ издали кондукторъ. Мужички переглядываются, и одинъ порывается въ вагонъ. „Куда лѣзешь, дурень? Нешто это намъ? Слышь, „господамъ“... Какой „господинъ“ нашелся!“.... Мужички продолжаютъ толпиться, и чрезъ нѣсколько секундъ къ нимъ несется повышенный голосъ кондуктора: „садитесь, господа, скоро тронется!“.. Опять та же исторія, и такъ нѣсколько разъ. Наконецъ, кондукторъ не выноситъ такихъ результатовъ своего мягкаго обращенія съ безтолковыми пассажирами и кричитъ: „да лѣзьте же вы въ вагонъ-то, ч... сиволапы!“ И что же?—„Вотъ когда намъ-то, вотъ и полѣзай, а то—ишь, въ господа захотѣлъ!“... Мужички „залѣзли“...

Одна изъ характернѣйшихъ чертъ нашего простонароднаго невѣжества и некультурности—это склонность къ самымъ нелѣпымъ преувеличеніямъ и перетолкованіямъ воспринимаемыхъ наблюденій и фактовъ. Въ области религіи именно этимъ объясняется множество чудовищныхъ суевѣрій и сказаній, не только не встрѣчающихъ какого-либо недovѣрія къ себѣ, но и принимаемыхъ обыкновенно съ чувствами умиленія и благоговѣнія, заслуживающими лучшаго примѣненія. Въ качествѣ характернаго образчика этого рода приведемъ любопытный разговоръ, простецовъ-богомольцевъ, на пути въ Саровъ. „Вотъ я слыхалъ—рассказываетъ одинъ изъ

нихъ:—одна старуха изъ Арзамаса заблудилась въ пещерахъ Кіевскихъ... Три года ходила! Черезъ три года въ старомъ Русалимѣ вышла. Какъ ужъ ее Господь сподобилъ... Черезъ три-то года,—продолжалъ старикъ, оглядываясь кругомъ, — вошли, стало-быть, монахи въ пещеру, идутъ со свѣчками, вотъ и она на свѣчки идетъ. Передній и говорить:—„Стой, остановись, кто ты такой!“—Она остановилась.—„Сотвори молитву“. — Сотворила молитву. — „Сотвори другую!“ — Сотворила. — „Ну, стой тутъ, на мѣстѣ!“—Вышли они изъ пещеры, сказали старшимъ монахамъ. Старшіе монахи сказали архимандриту. Архимандритъ архирею доложилъ... Вошли въ пещеру,—потомъ вывели ее на воздухъ. За три года мохомъ покрылась, позеленѣла вся. Воздухомъ вѣнуло на нее,—она въ разъ и кончилась... Да. Такъ, любезничали дюже узнать, чѣмъ она питалась? Потрошили. Разрѣзали нутренность, животъ, кишки. Одна земля въ кишкахъ“...

Старичокъ посмотрѣлъ, сколько могъ, вверхъ, на своихъ слушателей и повозился на мѣстѣ, желая сѣсть поудобнѣе.

— „Ну, хоронили - то ее дюже хорошо!..—Закончилъ онъ радостно:—такъ хоронили, такъ хоронили... Сколько архиреевъ было... Дюже хорошій похоронъ былъ по ней“...

Послѣ нѣкотораго перерыва старикъ опять продолжалъ: „Въ Кіевѣ я шесть разъ былъ, пѣніе дюже хорошее! Все—партесное... „Господи помилуй“ запоютъ, такъ ажъ душу пронзятъ... У Сергія-Троицы три раза былъ. Два раза въ Новомъ Русалимѣ. Ну, лучше нѣтъ—у Сергія-Троицы. Тамъ одно панукадило,—мериканецъ представилъ, — теперь стоитъ этихъ трехъ монастырей. Золота на ней!.. Какъ свѣтъ зажгутъ, — такая свѣтлость! Дюже хорошая свѣтлость-то...“

— Вы вотъ въ Пензѣ будете,—загляните въ губерню... Тамъ, коль поймете усердіе, къ о. Акентію... подъ престоломъ ле-

жить. Тоже чудеса являлъ: слѣпного одного съ глазами сдѣлалъ, хромого съ ногами. Во снѣ губернатору являлся и говорить: „Вы, — говорить, — если хотите, чтобъ явился, уничтожьте скверу отъ собора“. А сквера—это, стало быть, сады разведены, а въ садахъ музыка всякая, лавки торгуютъ, стагуй стоитъ и прочее, стало быть. „Уничтожьте—говорить—скверу, я вамъ явлюсь“... Ну, а нони ишло съ боку, отъ Московской, развели сады. Отъ этого самого — прежде о. Акентій теплый былъ, а теперь гробъ потемнѣлъ и плѣсень ужъ пошла. Стало быть, ушелъ оттуда... А то могъ бы явиться вполне“. (Русское Бог. 1904, № 11, 124—5 стр.).

Вотъ какими нелѣпостями питается благочестивая фантазія нашихъ простецовъ, давая поводъ часто не къ сожалѣнію о ихъ невѣжествѣ и не къ ревности о ихъ истинно-хрістіанскомъ просвѣщеніи, а лишь къ издѣвательствамъ надъ православною вѣрою съ ея святынями и даже къ мѣрамъ насильственного подрыва уваженія и благоговѣнія къ ней.

Склонность къ преувеличеніямъ и комичнымъ перетолкованіямъ дѣла простирается и на всѣ другія области человѣческаго духа. Вотъ, на примѣръ, немножко „политики“ изъ политическаго кругозора нашихъ простецовъ:

„У васъ тутъ мало слыхать про нарѣзку, не говорятъ.. А у насъ все ждали: вотъ-вотъ къ Петрову дню выйдеть... Анъ вотъ заглохло что-то...“

— „А какъ Турція? Не довелось вамъ слыхать?“—снова послышался голосъ съ полу, когда стихъ одновременный говоръ.

— „Турція?“—повторилъ старикъ и на мгновеніе задумался, какъ бы наводя справку по этому предмету въ обширномъ архивѣ своей памяти:—Да вѣдь ее на три части хотѣли дѣлить, а нашъ Царь не далъ свою согласія. — „Я — говорить — одинъ ее заберу, а всѣхъ турокъ по своему народу разведу, чтобы и мужъ жену

не видалъ, чтобы никакого совѣту промежду нихъ не могло быть“...

— А англичанка? — возразилъ скептической голось изъ прохода (въ вагонѣ).

— Англичанка? — живо и весело возразилъ старикъ: — Да вѣдь ея самой-то ужъ нѣтъ!

— А гляди, кто-нибудь да на ея мѣстѣ сидитъ... аль нѣтъ?

— Это зять-то, штоль, ея? — съ презрѣніемъ воскликнулъ дѣдъ: Онъ чего сдѣлаетъ? Вѣдь онъ у насъ въ Петербурхѣ живетъ...

Онъ сдѣлалъ короткую паузу и продолжалъ опять вдохновенно:

— Д-да, кабы Турцію-то намъ забрать, такъ нарѣзка-то ужъ безъ всякихъ тѣхъ... безъ проволоочки была бы... Тамъ земли — пространство!.. А то у насъ расчисленіе дѣлали, такъ дюже народу умножилось... Си-ла народу!... Тогда вотъ ревизію производили годовъ тридцать назадъ: сколько у нашего царя есть народу и сколько земли на каждого? И насчитали 200 милліоновъ двѣсти тыщъ...

— Ф-фу ты, Боже мой! — вздохнулъ кто-то съ изумленіемъ и не безъ гордости.

— Да. А сичасъ вотъ ревизію производили, въ 99-мъ, насчитали ишино 60 милліоновъ шестьдесятъ тыщъ... — „Откуда же они взялись?“ — Царь спрашиваетъ. Господа сенаторы и енаралы говорятъ: — „А разродились“. — „А что земля за это время разродилась аль нѣтъ?“ — „Земля все таже да одна. — „То-то и есть“, — говоритъ: „они къ этимъ пришли, эти 60 милліоновъ, да всю землю на себѣ въ лаптяхъ унесли“...

Таковы плевелы, обильно упестряющіе богатую нашу ниву народную. Когда земля

не засѣяна ничѣмъ полезнымъ, она раститъ эти плевелы въ силу уже самой своей способности къ прозябанію. Посѣвы добраго сѣмени даютъ этой производительной способности земли лучшую и достойнѣйшую работу и примѣненіе. Такъ, когда душа народная плохо и мало засѣяна добрыми посѣвами, она даетъ всходы лишь однихъ плевель, заглушающихъ и то доброе, чему удастся пробиться изъ земли на равныхъ правахъ съ плевелами. Выходитъ, что не только люди злые, но и „плевелы“ не признаютъ равноправія себѣ въ сѣменахъ добрыхъ. Но — чѣмъ обильнѣе эти добрые посѣвы, тѣмъ менѣе производительныхъ силъ народной души пойдетъ на недостойное употребленіе, тѣмъ менѣе возможно будетъ то, чтобы душа, озаренная свѣтомъ просвѣщенія, разумно-осмысленная и способная давать себѣ вѣрный и здравый отчетъ во всемъ окружающемъ, способна была на приведенные перлы тьмы и невѣжества.

Дай Богъ, чтобы школа наша, на которой лежитъ этотъ великій долгъ, успѣшнѣе и скорѣе выполнила его. Для этого не требуется всестороннихъ фактическихъ знаній во всѣхъ областяхъ знанія. Я самъ не знаю точно, насколько менѣе 200 милліоновъ насчитала у насъ народная перепись, да не совсѣмъ даже и вѣрю тому, что она въ дѣйствительности насчитала. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, чтобы душа приобрѣла особую чуткость ко всякой лжи, тѣмъ, извращенію истины, свѣта и правды Божіей. Это — главное сокровище души, которое приобретается именно просвѣщеніемъ, составляетъ существенный признакъ культуры и должно даваться особенно школоу.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Нѣтъ, не даетъ покоя людямъ морального недомыслія наша воспитывающая школа... И не о церковной школѣ только

говоримъ мы: нѣтъ, они осуждаютъ всякую школу, которая осмѣливается хотя сколько-нибудь развивать въ своихъ пи-

томцахъ чувства честной гражданственности и порядочности. „Свѣта, свѣта“,—чуть не съ пѣной у рта при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, съ кажушейся пользой для дѣла и безъ дѣла кричатъ они, видя этотъ „свѣтъ“ въ одномъ только чистомъ знаніи. Нѣтъ и не можетъ быть для такихъ реформаторовъ нашей школы ничего святого въ обученіи. „И къ чему только существуетъ педагогика? Не было бы ея—не пришлось бы считаться школъ и съ вопросами воспитанія въ дѣтяхъ религіознаго, нравственнаго и патріотическаго чувства... Ахъ, хорошо-бы было тогда!.. Всюду торжествовало-бы знаніе... Наука для науки“...—вотъ излюбленные мечтанія сторонниковъ исключительно образовательной задачи школы... И какъ-же негодуютъ эти мечтатели, если имъ приходится слышать убѣжденный голосъ честныхъ строителей нашего общественнаго порядка, здраво и трезво напоминающихъ педагогамъ о ихъ долгѣ воспитывать дѣтей въ духѣ желаній неразложившейся части православно-русскаго общества!

Какъ извѣстно, въ августѣ 1904 г. въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія происходило совѣщаніе по вопросамъ высшей, средней и низшей школы. Затронувъ вопросы воспитанія, это совѣщаніе нашло необходимымъ, чтобы обученіе во всѣхъ школахъ велось въ такомъ направленіи, чтобы въ учащихся развивалась преданность вѣрѣ, престолу и отечеству и чтобы учащіе въ этихъ пѣляхъ пользовались уроками закона Божія—для развитія чувствъ религіозныхъ, исторіей—для развитія чувства патріотизма и т. п. Проводя такіе взгляды на цѣль обученія, совѣщаніе естественно и вполне справедливо настаивало на жизненно-практическомъ значеніи преподаваемыхъ въ школъ предметовъ. И посмотрите, какъ не понравилось это постановленіе министерства! Находя неудачными многія изъ мѣропріятій министерства, сторонники чистаго знанія по поводу воспитывающаго обученія въ средней школъ замѣчаютъ 1): „еще болѣе неудачнымъ слѣдуетъ признать предложеніе пользоваться уроками для внушенія воспитанникамъ патріотическихъ и религіозныхъ чувствъ. Предложеніе это, вы-

сказанное въ циркулярѣ 28 іюня 1903 г., тогда еще встрѣтило общее несочувствіе. Школа должна служить исключительно образовательнымъ цѣлямъ, а не заниматься политикой и превращаться въ орудіе борьбы противъ извѣстныхъ идей. Такое орудіе раньше всего грозитъ обратиться противъ тѣхъ, кто желаетъ имъ пользоваться. Разъ передъ учениками ставятся извѣстные вопросы, то нельзя гарантировать себя, что они придутъ къ тѣмъ, а не къ инымъ выводамъ. Смѣшно вѣдь предполагать, что предметы преподаванія обязательно должны вести къ выводамъ, желательнымъ для педагоговъ. Какъ бы ни былъ благонамѣренно составленъ учебникъ, какъ бы искусно ни говорилъ учитель, штыливыи учебникъ можетъ почерпнуть изъ другихъ источниковъ доводы противъ навязываемыхъ ему взглядовъ. Во что же тогда грозятъ обратиться уроки? Въ какіе-то политическіе дебаты, въ которыхъ не всегда побѣда будетъ на сторонѣ учителя. Но, конечно, учителя возраженій не допустятъ, и вмѣсто дебатовъ классъ долженъ будетъ безмолвно выслушивать сентенціи учителя или въ лучшемъ случаѣ соглашаться съ ними. Какая же будетъ тогда увѣренность въ дѣйствительномъ усвоеніи учениками здравыхъ понятій? Мы не говоримъ уже о томъ, что уровень общаго развитія нашихъ учителей таковъ, что политической пропагандой, которой имъ предлагаютъ заниматься, они въ большинствѣ случаевъ могутъ лишь дискредитировать благонамѣренныя идеи.

„Возникаетъ еще вопросъ, да есть ли у учителей время заниматься этими посторонними предметами, когда они и безъ того завалены работой и когда къ школъ предъявляется, теперь въ особенности, требованіе усилить обученіе. Думается намъ, что при такихъ условіяхъ предложеніе пользоваться уроками для внушенія благонамѣренныхъ воззрѣній останется однимъ изъ тѣхъ *ria desideria*, съ которымъ время отъ времени министерство народнаго просвѣщенія обращается къ своимъ подчиненнымъ и которымъ не суждено получить практическое осуществленіе. Къ числу такихъ *ria desideria* относятся добрые примѣры со стороны начальниковъ или совѣтъ издавать сочиненія здраваго направленія. Совѣтъ, конечно, хорошій, но какія же сочиненія будетъ школа издавать? Повидимому, еще ненапечатанныя и неизданныя.

1) Русская Мысль 1904 г. Ноябрь, стр. 217—218. Внутреннее обозрѣніе.

Кто же будетъ заниматься писаніемъ этихъ сочиненій здраваго направленія? Неужели все тѣ же учителя, о непосильномъ трудѣ которыхъ такъ много говорятъ? Не лучше ли тогда уже прямо распространять въ школахъ *Моск. Вѣд.*, гдѣ каждый день печатается одно или нѣсколько сочиненій здраваго направленія?

Вообще всё эти пожеланія объ изданіи сочиненій здраваго направленія, объ использованіи уроковъ для внушенія здравыхъ воззрѣній на вещи, объ устройствѣ бесѣдъ въ тѣхъ же пѣляхъ и т. д. мы считаемъ крайне вреднымъ недоразумѣніемъ и притомъ въ высшей степени несвоевременнымъ. Чѣмъ-то затхлымъ, архаическимъ и наивнымъ вѣтъ отъ этихъ пожеланій. Пора было бы понять, что такими примитивными и наивными средствами нельзя бороться противъ „вредныхъ“ идей, пора понять и то, что школа есть составная часть общественнаго организма, а не что то стоящее внѣ его, и что поэтому она считается тѣмъ же, чѣмъ считается весь организмъ“.

Что сказать по поводу этой не новой уже пѣсенки? Здѣсь, ни къ селу, ни къ городу, и плоская иронія по адресу *Моск. Вѣд.*, и жалоба на недостатокъ времени у педагоговъ, „заваленныхъ“ работой, и явное сочувствіе „вреднымъ“ идеямъ, и боязнь за „общественный организмъ“, отъ котораго неотдѣлима школа, и упрекъ по адресу учителей, которые не смогутъ, будто бы, удовлетворить пылкости ученика при столкновеніи съ „навязываемыми“ идеями, и обычный упрекъ въ архаичности и наивности, и безапелляціонное вычеркиваніе всѣхъ вопросовъ педагогики, которая въ лицѣ видныхъ представителей такъ усиленно настаиваетъ на необходимости воспитывающаго обученія въ школахъ,—словомъ, здѣсь всюду „свой аршинъ“...

Да, именно, только прикладывая „свой аршинъ“, можно считать „навязываемыми идеями“ чувства религіозности и патріотизма, только авторы замѣтокъ, подобныхъ выписанной нами, могутъ быть дѣйствительно такими учениками, съ которыми бесполезно говорить о вопросахъ вѣры и нравственности, только ихъ омертвѣлый организмъ можетъ воздвигать какое-то нелѣбое гоненіе на тѣ чувства, которыя необходимо должны отличать честныхъ гражданъ хрістіанскаго государства... И что такое, далѣе,

жизненный „общественный организмъ“, отъ котораго не должна быть отрываема школа, какъ не совокупность отдѣльныхъ единицъ, изъ которыхъ каждая знакома и съ потребностями вѣрующаго сердца и съ чувствомъ любви къ своей родинѣ и къ ея стародавнимъ устоямъ... Зачѣмъ-же влгать въ понятіе „организма“ свое безсодержательное я, зачѣмъ обезличивать коренную православленную Русь, которая, подѣ часть, болѣе жизни дорожитъ интересами вѣры и чувствомъ долга къ своему отечеству?! И что значить эта плаксивая жалоба на недостатокъ времени для воспитанія добрыхъ чувствъ въ подростящемъ поколѣніи?! Вѣдь каждому педагогу хорошо извѣстно, что для дѣла воспитанія на урокахъ вовсе не требуется какого-либо особаго времени. Обученіе, обученіе разумное, должно съ необходимостью быть и воспитывающимъ. Въ разумной школѣ оно даже не можетъ быть инымъ. Каждый обучавшій юношество отлично знаетъ, что для возбужденія чувствъ религіозности и патріотизма вовсе нѣтъ надобности снабжать свои уроки какими-либо особыми поученіями. Все дѣло въ попутномъ освѣщеніи фактовъ даже, просто иногда, въ особой интонаціи голоса при обычномъ выясненіи данныхъ исторіи. И говорить, что школа не должна заниматься воспитаніемъ въ дѣтяхъ и юношахъ патріотическаго и религіознаго чувства,—это значить навязывать вмѣсто законнаго и естественнаго приема воспитывающаго обученія свой незаконный. „Моль, не говорите на урокѣ о вѣрѣ, Царѣ и отечествѣ, проведите его такъ, чтобы о нихъ ни гу-гу,—тогда и заработаемъ мы—поклонники чистой науки“... Но требовать этого—значить употреблять насиліе надъ личностью честнаго, убѣжденнаго труженика, который, иногда незамѣтно для самого себя,—то въ благоговѣйномъ отношеніи къ предметамъ вѣры, то въ невольномъ преклоненіи предъ выдающимися государственными дѣятелями,—влагаетъ добрыя сѣмена знанія въ сердца своихъ питомцевъ... Бываютъ, конечно, и недостойные педагоги, которые механически исполняютъ возлагаемыя на нихъ задачи воспитанія и иногда, къ стыду своему, поселяютъ сомнѣнія въ юныхъ душахъ. Но бросать за это камень въ воспитывающую школу—это по меньшей мѣрѣ странно...

Нѣтъ, православно-русская школа непре-

мѣнно должна быть воспитывающею и, выражаясь словами древне-римскаго мудреца, великую услугу народному просвѣщенію оказать не тотъ, кто будетъ только заботиться объ успѣхахъ культуры, но кто „будетъ стараться возвышать душу согражданъ“¹⁾.

И нужно замѣтить, что эти странныя желанія обезличить нашу воспитывающую школу, къ великому стыду людей, именующихъ себя „русскими“, возникаютъ у насъ на Руси въ то время, когда въ другихъ западныхъ странахъ, а *по примѣру* (даже и въ этомъ Западъ является примѣромъ!) *ихъ и у насъ, стали* заботиться объ образованіи *дѣтской лиги*, дѣти—члены которой обязываются не пропускать ни одного дня безъ добраго дѣла... Починъ въ образованіи этой лиги у насъ положенъ барономъ Буксгевденомъ, который, какъ сообщала въ свое время періодическая печать, собралъ въ различныхъ странахъ цѣнный матеріалъ по этому дѣлу. „Мы невольно,—замѣчается по этому поводу въ одномъ печатномъ органѣ періодической печати,—переносимся всею нашею душой на родину, которая переживаетъ нынѣ великія страданія, нравственныя и матеріальныя, въ особенности въ лицѣ тѣхъ тысячъ сиротъ-дѣтей нашихъ павшихъ доблестныхъ воиновъ всѣхъ ранговъ. Поэтому широкое развитіе принципа дѣтской лиги у насъ теперь, повидимому, своевременно. Въ сердцѣ человѣка имѣется вредный микробъ—эгоизмъ, съ которымъ должно вести непрерывную борьбу, причемъ побѣда надъ врагомъ приноситъ пользу не только нашему ближнему, но и намъ самимъ, доставляя намъ высокое духовное наслажденіе. Итакъ, пожелаемъ успѣха этому дѣлу, которое дастъ намъ тысячи счастливыхъ и благодарныхъ гражданъ съ сильною вѣрой въ добро, столь необходимою для созданія могущественнаго здороваго государственнаго организма“.

1) Эпиктетъ.

Конечно, нельзя не привѣтствовать появленія подобныхъ воспитывающихъ доброе дѣтское чувство органовъ, если только дѣти этой лиги не ограничатся однимъ внѣшнимъ дѣланіемъ добра и не будутъ увлекаться различными значками, которые придуманы организаторами для членовъ ея... Но вѣдь извѣстно, что во всѣхъ странахъ свѣта (намъ извѣстны таковыя лиги въ Нью-Йоркѣ, Германіи, Канадѣ, Индіи, Китаѣ, Іерусалимѣ, Египтѣ, Австраліи, Азін, Африкѣ и у насъ въ Россіи: въ Петербургѣ, въ Кронштадтѣ, въ Шацкѣ, Смоленскѣ, въ Балтійскомъ краѣ и Финляндіи) эта дѣтская лига въ совокупности исчисляется пока приблизительно въ 40 тысячъ, а у насъ въ Россіи таковыхъ членовъ насчитывается около 1000 человѣкъ. И нужно долго ожидать какой-либо осязательной пользы отъ этой новообразовывающейся дѣтской общины даже при самомъ удачномъ развитіи этой новой дѣтской организаціи... Ужели-же труженикамъ школъ нужно въ нѣмомъ бездѣйствіи дожидаться добрыхъ плодовъ отъ этого чуждаго начинанія?!

Нѣтъ, наша истинно-народная воспитывающая школа давно уже стоитъ на вѣрномъ пути, когда при обученіи не забываетъ „единого на потребу“...

Пусть же честные радѣтели народнаго просвѣщенія дружнымъ усиліемъ, въ духѣ родныхъ завѣтовъ и устоевъ, отвѣтятъ на крикливые голоса неприванныхъ борцовъ за „народное благо“. Да послужитъ ихъ плодотворная дѣятельность къ охраненію въ нашемъ народѣ началъ вѣры и нравственности.

Въ редакцію Божіей Нивы поступили пожертвованія на больныхъ и раненыхъ воиновъ.

1) Отъ учениковъ Наугольнинской церковно-приходской школы Московск. губ. Дмитровск. уѣзд. 3 руб. 50 коп.

Итого съ прежде поступившими 54 р. 66 к.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ОТЪ РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ

РУССКОЕ ДѢЛО.

Намъ возвращено право безцензурнаго издательства. Спѣшимъ развернуть наше старое знамя, возстановить нашу старую каеедру.

Въ переживаемые тяжелые дни военныхъ неудачъ и нравственныхъ испытаній, броженія умовъ и всеобщей растерянности—величайшая задача публициста: помочь разобратся въ хаосѣ общественной мысли и чувства, сказать трезвое и спокойное слово среди политическаго угара, попытаться согрѣть озлобленныя сердца, поднять упавшій духъ и освѣтить путь къ разумному и достойному нашей великой Родины выходу.

„Русское Дѣло“ было и будетъ нашимъ личнымъ органомъ. У насъ нѣтъ ни партіи, ни длиннаго списка сотрудниковъ литературнаго цеха. Наши сотрудники всѣ тѣ, у кого терзается душа горемъ и болѣзнями Родины, кто умѣетъ думать и чувствовать по-русски и кому негдѣ высказать своихъ задушевныхъ мыслей, чуждыхъ и непонятныхъ нашимъ узкимъ литературнымъ кружкамъ.

Этимъ голосамъ были всегда широко открыты страницы нашихъ прежнихъ изданій, ихъ зовемъ мы и въ возобновляемое „Русское Дѣло“. И первое мѣсто великой Молчальницѣ—русской Деревнѣ.

„Русское Дѣло“ будетъ выходить съ середины января въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, еженедѣльно, съ ежедневными въ случаяхъ надобности прибавленіями. Болѣе обширныя работы, какъ и въ „Русскомъ Трудѣ“, будутъ разсылаемы особыми приложеніями.

ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ ОТКРЫТА:

Съ доставкой и пересылкой: За годъ 8 р., за $\frac{1}{2}$ года 4 р., за $\frac{1}{4}$ года 2 р.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Редакціи, Скатертный пер., д. Муромцева. Въ С.-Петербургѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Саратовѣ въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина) и въ главн. книжн. торговляхъ друг. городовъ.

Редакторъ-издатель *Сергій Шарановъ*.

6-й Годъ. ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ. 6-й Годъ.

Финляндская Газета

Будетъ выходить въ 1905 году по вторникамъ, четвергамъ, субботамъ и воскресеньямъ (кромѣ дней послѣпраздничныхъ). Въ промежуточные дни, въ случаѣ надобности, будутъ выпускаемы особыя прибавленія.

Первый русскій органъ въ Финляндіи, издаваемый въ Гельсингфорсѣ. Телефонъ № 81 76.

Подписка на 1905 г. принимается: въ Гельсингфорсѣ—въ Складѣ русскихъ книгъ (Зап. Генриховская ул., 10) и въ редакціи. Въ Выборгѣ—въ русской книжной торговлѣ Хитрова Екатеринбургская № 4, тел. 10 76. Въ Петербургѣ—въ конторахъ редакцій „Правительственнаго Вѣстника“, „Русскаго Инвалида“, въ экономическомъ обществѣ офицеровъ гвардейскаго корпуса (Литейный пр., 20), въ конторѣ Метцль и Ко. (Морская 11) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“. Въ Москвѣ—въ конторѣ Л. и Э. Метцля и Ко.—Мясницкая, д. Сытова. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію „Финляндской Газеты“, въ Гельсингфорсѣ (адресъ почтовому учрежденію извѣстенъ). Объявленія принимаются на русскомъ, финскомъ и шведскомъ языкахъ, въ редакціи, въ складѣ русскихъ книгъ въ Гельсингфорсѣ, въ книжной торговлѣ Хитрова въ Выборгѣ и въ конторѣ объявленій Л. и Э. Метцль и Ко. въ С.-Петерб. Москвѣ и Варшавѣ.

Плата за строчку пелита или занимаемое ею мѣсто, на 4-й страницѣ $7\frac{1}{2}$ коп. или 20 пени. При многократномъ печатаніи уступка по соглашенію съ конторой газеты.

Подписная цѣна остается прежняя.

Въ Гельсингфорсѣ—на годъ 9 марокъ, на полгода 5 марокъ, на три мѣсяца 3 марки, на одинъ мѣсяць 1 марка. Съ пересылкой въ другіе города—на годъ 4 р. или 11 м., на полгода 2 р. 50 коп. или 6 м., на три мѣсяца 1 р. 50 к. или 4 м., на одинъ мѣсяць 50 к. или 1 м. 50 п. За границу на годъ—6 р. на полгода—3 р. 50 к., на три мѣсяца 2 р. Въ розничной продажѣ 10 п. или 4 к. Доли рублей и

марокъ могутъ высылаться почтовыми марками по 7 и менѣ коп. или 20 и менѣ пени. При годовой подпискѣ допускается разсрочка: для иногороднихъ Россіи: при подпискѣ, къ 1 марта, къ 1 мая и къ 1 іюля по 1 рублю. Для Финляндіи: при подпискѣ—6 мар. и къ 1 іюля—5 мар. или чрезъ каждыя 2 мѣсяца по 3 марки. Для городскихъ: при подпискѣ—5 мар., къ 1 іюля—4 мар., или по три марки черезъ каждыя три мѣсяца или по одной маркѣ каждый мѣсяць.

За перемѣну адреса 50 пени или 20 коп.

Заявленія о неполученіи газеты должны поступать въ контору не позже, какъ черезъ 2 недѣли со дня подписки.

Подписка принимается только съ 1-го и 15-го каждаго мѣсяца.

При перемѣнѣ адреса должно прилагать не только новый, но и прежній, причемъ самая перемѣна производится лишь со слѣдующаго по перемѣнѣ адреса нумера.

Редакторъ *И. А. Важеновъ.*

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

ВѢРА и РАЗУМЪ

въ 1905 году.

Вступая съ Божіею помощію въ XXII-й годъ изданія журнала „Вѣра и Разумъ“, редакція попрежнему сохраняетъ убѣжденіе, что современное наше образованное общество, кромѣ религіозно-нравственнаго назиданія, нуждается въ опроверженіи различныхъ религіозно-нравственныхъ заблужденій, въ оправданіи и выясненіи христіанскихъ началъ жизни и вообще въ указаніи на гармоническое единеніе вѣры и знанія, богооткровенной истины и человѣческой науки. Это направленіе дано нашему журналу славнымъ основателемъ его, въ Бозѣ почившемъ Архіепископомъ Амвросіемъ. Оно же далѣе нашло одобреніе и бывшаго преемника его по святительской каедрѣ, Высокопреосвященнаго Флавіана, нынѣ митрополита Кіевского и Галицкаго. Оно же затѣмъ находитъ благосклонное одобреніе, архипастырское благословеніе и просвѣщенное покровительство въ лицѣ Высокопреосвященнаго Арсенія, нынѣшняго Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Соотвѣтственно съ этимъ, журналъ нашъ попрежнему будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ:

1. *Отдѣла церковнаго*, въ который входитъ все относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изясненіе церковныхъ каноновъ и богословія, исторія Церкви, обзорные замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. *Отдѣла философскаго*. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, будетъ помѣщаться отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстій по Харьковской епархіи“, въ который войдутъ постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту. Этотъ отдѣлъ журнала (3-й), по предложенію Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, будетъ расширенъ редакціею на 24 печатныхъ листа въ годъ, съ цѣлю дать мѣстному духовенству большую возможность высказывать свои сужденія, наблюденія и пожеланія.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годичное изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 202 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, при свѣчной лавкѣ харьковскаго Покровскаго монастыря, въ харьковской конторѣ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ „Новаго Времени“.

Въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 руб. за 1890—1896 г., по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 и 1903 г. 9 р. и за 1904 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненія Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
2. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о. о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою

Вышли новыя книжки „ТРОИЦКОЙ НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ“:

№ 25:

НЕБЕСНЫЙ ИГУМЕНЬ.

(Изъ записокъ Троицкаго инокъ).

Цѣна 5 к. съ пересылкой 8 коп.

Можно получать изъ редакціи Троицкихъ Листковъ.

№ 26:

ГОСПОДИ СИЛЪ,

СЪ НАМИ БУДИ!

Цѣна 3 к. съ перес. 5 к.

Можно получать изъ редакціи Троицкихъ Листковъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Воспитательное значеніе и характеръ путешествій начальной школы. *Дмитрія Введенскаго.*—Порывы къ самообразованію. *Свящ. І. Молебнова.*—Добрый починъ. Очеркъ. *О. А. Е.*—Изъ учительскихъ дневниковъ. Постыдное равнодушіе. *С. Козубовскаго.*—Листки изъ дневника учителя-крестьянина. *Учит. Е. Куликова.*—Учителю. *Стих. Учит. Е. Куликова.*—Посѣвы и всходы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).—Нашъ дневникъ.—Объявленія.

ПРИЛОЖЕНИЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 27-я (пять статей).

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Виенія. Февраля 18 дня, 1905 года. Пензоръ, Ректоръ Виенской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Бяляевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

За перемѣну адреса 25 коп.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; выходяетъ ежемѣсячно.

АДРЕСЪ: Сергіевъ садъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“.